

ZOTOB®

ПЕЧАТЬ ЛУНЫ

Вам не уснуть — пока не дочитаете...

Каледин и Алиса

Георгий Зотов

Печать луны

«Автор»

2012

Зотов Г. А.

Печать луны / Г. А. Зотов — «Автор», 2012 — (Каледин и Алиса)

ISBN 978-5-271-45845-3

Российская империя XXI века, где не случилось революции... Стриптиз-трактиры, лимонад «Царь-кола», гамбургеры «МакБояринь»... Марихуана – легализована, большевики – стали мафией... Графы, князья и купцы – на «мерседесах» с личными гербами... Рекламные плакаты «Царь-батюшка жжоть, баклань!»... За месяц до коронации на улицы Москвы приходит ужас... Новый Джек Потрошитель открывает охоту на знаменитостей... Смерть телеведущей Колчак, балерины Кшесинской, певицы Сюзанны Виски... Как эти жертвы связаны с разрушенным храмом исчезнувшего народа? Жесткий мистический триллер, где пересекаются античный город, тайны крестовых походов, монстры из Средневековья – и ужасы нашего времени... Фирменный черный юмор от автора бестселлера «Минус ангел»... Без цензуры – безжалостные приколы над кумирами политики и попсы... Циничное издевательство над шоу-бизнесом и пиар-технологиями... ЭТОЙ КНИГОЙ ИНТЕРЕСОВАЛСЯ КРЕМЛЬ... ЕЕ РУКОПИСЬ ПЫТАЛИСЬ КУПИТЬ БЕГЛЫЕ ОЛИГАРХИ... ЗАПРЕТИТЬ РОМАН ТРЕБОВАЛИ ЗВЕЗДЫ ГЛАМУРА... ПОЧЕМУ? Откройте книгу. И вам не удастся заснуть всю ночь – пока не дочитаете...

ISBN 978-5-271-45845-3

© Зотов Г. А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава первая	8
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Глава пятая	24
Вспышка № 1: Подземелье (17 августа, 738 лет назад)	28
Глава шестая	31
Глава седьмая	34
Глава восьмая	36
Глава девятая	39
Глава десятая	44
Глава одиннадцатая	48
Глава двенадцатая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Георгий Зотов

Печать Луны

Часть первая

Подражатель

Забери мою душу. Пей мою кровь, как я пью твою. Распи меня на рогах Смерти. Отрежь мою голову – выпусти наружу зло, что внутри меня...

Manowar, Bridge Of Death

Пролог

Громко топая по выжженной земле ногами в зашнурованных до колена сандалиях, облаченный в потертые кожаные доспехи солдат неся к своему начальнику, поднимая облака пыли. Офицер поджидал его на пригорке, покрытом выгоревшей травой, лениво опираясь на длинный меч, на тонких гранях зазубренного металла пурпурными отблесками играло заходящее солнце. Квадратное лицо с горбатым носом выражало тягучую скуку и усталость трудного дня. По вискам стекали тяжелые капли пота, перемешанного с красным песком, из-за чего борода казалась крашеной.

– Ничего не получается, мой господин, – подбегая, виновато прокричал солдат. – *«Пожиратели души»* заперлись изнутри и наотрез отказываются покидать храм. Дверь, ведущая к их алтарю, замурована: мрамора там на два локтя, не меньше. Понадобится пара часов, чтобы выбить ее тараном.

Офицер сонно подвигал челюстью, на которой с двух сторон виднелись ороговевшие рубцы – мозоли от ремешка шлема: он не снимал его двадцать лет, проводя время в постоянных походах. Признаться, ему уже порядком надоела многочасовая резня, устроенная пьяными от вина и победного экстаза войсками в покоренном городе. Проливать новую кровь не хотелось – он и так сыт ею по горло: закованные в броню лошади тяжелой кавалерии и без того с утра не могут продвинуться через городскую площадь, заваленную трупами мужчин, женщин и детей.

– Ты сказал *им*, что у нас приказ? – безразлично спросил он, сплевывая забившую рот жесткую пыль. – И мы не можем просто так взять и уйти, не выполнив его, иначе нас самих прибьют на воротах их чертова храма.

– Да, мой господин, – покорно склонил голову солдат, становясь на колени. – *Они* говорят, что не имеют права выходить за пределы алтаря. Поэтому, если *им* суждено умереть здесь – значит, так тому и быть.

...Офицер выпрямился и выдернул из сухой земли меч, рукоять которого была выполнена в виде головы орла. Прикрывая глаза от последних лучей умирающего солнца, он обвел пристальным взором храм из розового мрамора. Стройные зеленые кипарисы, прозрачный водоем со священными золотыми рыбками (которые, если верить местным жителям, способны откликаться на имена), толстенные колонны на входе – каждую не смогли бы обнять и двое его солдат. Это здание строили сорок тысяч пленных воинов с юга – недаром оно считается самым большим и красивым святилищем города. Но какими морями крови омыто подобное великолепие? Страшно подумать. Всего сутки назад, в ночь перед штурмом, в залах храма творились *такие вещи*, что мурашки бегут по спине. Женщины с безумными глазами, дурманящий белый дым, извивающиеся на углях босые танцовщицы и коленапреклоненные толпы

городских жителей, в экстазе простирающие руки к лицу своего злобного и могущественного Повелителя.

... Хотя, конечно, вряд ли человек в здравом уме назовет ЭТО лицом...

... Сдвинув шлем, он провел ладонью от лба к подбородку, размазывая пот и пыль, пытаясь отогнать зловещее видение.

– Поджигай, – растворенным в тишине голосом шепнул офицер на ухо солдату, надеясь, что этого слова не услышат служители храма – закутанные в пурпурные покрывала люди с умашенными благовонным маслом волосами. Они и не услышали – скорее, догадались о смысле почти безмолвного приказа. Заметив, что солдат резко кивнул в знак согласия, служители нестройной толпой ринулись к главному входу в храм и встали у лестницы полукругом, сжав кулаки. Лоснящиеся, покрытые сурьмой и румянами лица были искажены животным страхом, а щеки и губы мелко тряслись, однако они были готовы ценой собственной жизни предотвратить грядущее святотатство. Ни один смертный за всю историю великого города не посмел коснуться стопами главной святыни – алтаря *«пожирателей души»*. Этого не должно было случиться и теперь.

– Отойдите, – спокойно попросил офицер.

Служители не двинулись с места. Их одежды колыхались от теплого ветра, дувшего со стороны пустыни. Вздохнув, офицер махнул солдатам волосатой рукой, запястье которой охватывали два массивных золотых браслета.

Насвистывая кабацкую песенку, он созерцал клубы черного дыма, поднимавшиеся над разгромленным городом. Шагая прямо по свежим трупам, солдаты торопливо стаскивали к мраморным стенам большущие вязанки сухого кустарника, бросали на натертый до блеска пол святилища разрубленные в мелкую щепу пальмовые дрова. Пламя, одновременно запылав снаружи и изнутри, оранжевыми языками взвилось над мраморной громадой. Подойдя к храму настолько, насколько позволял нестерпимый жар, офицер терпеливо ждал, пока розовый камень почернеет и начнет крошиться. Опыт подсказывал – после этого обрушить стены не составит особого труда.

Каменная дверь, ведущая к алтарю, внезапно отворилась – у порога встала шатающаяся фигура, закутанная в голубое покрывало. Офицер успел заметить сверкающую маску из желтого металла, из-под которой по плечам рассыпались черные волосы. Секунда – и фигуру поглотила волна огня. Владелец золотой маски словно растворился, превратившись в мельчайшую серую пыль, взлетев пеплом до потолка.

– *Умтасааа... колатура... этвини сеген митта...* – услышал он слабый голос.

Офицер обернулся. На него были устремлены полные ненависти глаза служителя в пурпурной одежде, покрытой еще более темными пятнами, чем сама дорогая ткань. Лежа на земле, тот пытался зажать подвернутой рукой рваную рану на боку, откуда неудержимо лилась черная кровь.

– Что он сказал? – бесстрастно наблюдая страдания жреца, любопытствовал офицер у смуглокожего наемника, уроженца пустынного племени, – тот практично обшаривал еще теплые тела мертвецов в поисках драгоценностей.

– «Теперь жизни больше нет», – перевел наемник, не отрываясь от своего дела. – Вы знаете местную легенду, господин? Кем были *те* три человека в масках у священного алтаря, которые предпочли сгореть, но не выйти к вам?

– Нет, – расслабленно покачал головой офицер.

– Сейчас расскажу, – осклабил наемник, выдирая серьгу из уха покойника. – Вы не поверите, но *они* существовали на самом деле...

... В остановившихся глазах человека, завернутого в бордовую материя, отражался огонь, заполнивший внутреннее пространство храма. Окутанная клубами дыма, над главным входом

продолжала висеть полая металлическая статуя, державшая руки прямо перед собой ладонями наружу. Даже стоя к ней спиной, офицер каждым позвонком чувствовал ее взгляд...

Глава первая

Программа «Розыгрышъ»

(20 февраля, воскресенье, ночь)

Голова чудовищно болела. На лоб, виски и щеки со всех сторон навалилась мягкая и одновременно тяжелая субстанция – череп словно плавал внутри подушки, в самую середину которой залили мед, перемешанный с обломками бритв. Лезвия безжалостно вонзались в темя, саднило кисти рук, полностью онемели лодыжки. Мозг готов был взорваться – в мыслях всполохами металась зеленые молнии. Губы распухли. Во рту стоял такой вкус, что отруби с пола свинарника показались бы деликатесом.

...Светловолосая девушка с правильными, но слегка одутловатыми чертами лица, носящего явные следы элитного солярия, пошевелила набрякшими веками. Ухоженные ресницы стукнулись друг о друга, издавая, как показалось ей, едва ли не кровельный скрежет. В первые секунды после неожиданного пробуждения Маша не выражала никаких эмоций – находясь в полусонном и полупохмельном состоянии, она логично решила, что продолжает спать. Нерезкая «картинка» перед покрасневшими глазами расплывалась, дергаясь по краям, как в деревенском кинотеатре. Она находилась в довольно большой комнате, своей обстановкой напоминающей дешевый нелегальный бордель. Грязно-розового цвета бумажные обои с дебильными голубыми цветочками, плохо покрашенный потолок, облепленный засохшими трупами комаров, треснувшее овальное зеркало на стене. И новый деревянный стул возле железной кровати.

КРОВАТИ, НА КОТОРОЙ ЛЕЖИТ ОНА.

Никакой другой мебели в комнате нет: все предметы, намеренно или случайно, «сгрудились» в одном месте. Окно, судя по всему, имеется, но стекловидно не видно – они закрыты черными непроницаемыми шторами. Включено электричество – на потолке запыленная люстра с тремя плафонами из дымчатого стекла, в двух, потрескивая, горят продолговатые лампочки. Глаза распахнулись шире, зрачки дернулись, расплываясь в страхе. До нее стало доходить – она вовсе не спит.

...Она подскочила на кровати – пронзительно заныли ржавые пружины. Господи Боже! ДА ЧТО С НЕЙ СЛУЧИЛОСЬ?! ГДЕ ОНА НАХОДИТСЯ?! КУДА ЭТОТ ГАД ЕЕ ПРИВЕЗ?! Девушка рванулась, но не сдвинулась даже на миллиметр – каждая из ее рук была плотно прикручена к железной спинке кровати толстыми бечевками. Точно так же, но уже к другой стороне «лежбища», привязаны и обе ноги, распяленные в разные стороны. Машей овладело чувство ледящего ужаса: наполнив ее до краев, он мутной пеной вырвался наружу вместе с громким воплем. Она толком не понимала, куда попала, но не надо быть академиком, чтобы уяснить – с ней происходит **очень плохая вещь**. Извиваясь, словно угорь на сковородке, пытаясь освободиться от сдавливающих кожу просмоленных веревок, Маша дико завизжала на одной ноте, так громко, как будто увидела живую крысу.

– ПОМОГИТЕ! ПОМОГИТЕЕЕЕЕ!! ПОМОГИТЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕ!!!

Крики, которые при обычных обстоятельствах запросто услышали бы и на другом конце города, непонятным образом тонули в воздухе, падая в ее уши мягкими ватными ударами. Через пять минут она охрипла – темнота вновь навалилась на нее, и Маша «поплыла», ощущая, что теряет сознание. Наверное, стены комнаты чем-то обиты под обоями: она слыхала про подобные фишки... поролоном или коробками из-под куриных яиц, неважно. Тем материалом, который глушит любой звук, доносящийся изнутри. Чтобы не было слышно, когда жертвы кричат... **когда с ними что-то делают здесь**.

Маша заплакала навзрыд. Слезы с остатками пудры, скатываясь по щекам на измятую наволочку, оставляли на ней пятна размером с горошину. Сжавшийся от страха мозг услуж-

ливо рисовал многокрасочные варианты, деталям которых позавидовал бы любой режиссер ужасиков. Ее похитил чокнутый поклонник, собравшийся держать свою пленницу в комнате восемь лет, как одну австрийскую девочку¹. Ее накачали наркотиками арабские шейхи, и завтра продадут в гарем вождя суданской деревни. Ее увезут в Турцию и сделают секс-рабыней, удовлетворяющей похоть дальнобойщиков. А может, как в фильме «Пила», неведомый убийца подаст ей ножовку и ласково скажет – если она желает освободиться, то должна отпилить себе ногу? Вот эту стройную, гладкую, длинную ногу с прекрасно отпедикюренными ноготками... Ой, бляаааааа... Говорил же ей папа: *mon cheri*, обязательно пользуйся охраной из бывших кавалергардов, это престижно. Но куда же деть охранника на свидании с любовником?

В охрипшем горле саднило от крика, она опять забилась как пойманная бабочка в сачке, тщетно пытаясь освободиться: из разодранных бечевкой запястий на простыню брызнули росинки крови. Мысли метались, словно загнанная охотником лисица, бросаясь из одного уголка черепа в другой. Насильник? Нет. Ее бы уже десять раз успели трахнуть, но, судя по целой одежде, никто на это не покусился. Похищение с целью выкупа? Если так, тогда еще не все потеряно – папа заплатит сколько угодно, а потом пресса драться будет за право описать страшную историю попавшей в ловушку звезды гламура. А может, это снова чья-то злая и глупая шутка? Сейчас такое модно – стебаться по ТВ над аристократами, публика от подобных вещей в экстазе. Типа программы «Розыгрыш»... один раз ее развели, словно последнюю идиотку. Девушка обвела глазами комнату в поисках спрятанной миниатюрной камеры и попыталась улыбнуться искривленными губами, но тут же разрыдалась опять. Нет. Сто пудов, это не шутка. Никакие шутники на свете не стали бы привязывать ее к железной кровати, безжалостно выкручивая руки и ноги. Все гораздо серьезнее...

Незнакомец появился через два часа, когда ослабевшая от слез девушка впала в забытие: она не слышала, как на двери щелкнул старый английский замок. Не раздеваясь, прямо из прихожей он прошел на ободранную кухню, усеянную отвалившимися кафельными плитками. Там он долго мыл горячей водой безволосые руки, тщательно намыливая их душистым мылом. Дело предстоит чрезвычайно ответственное и сложное, но он справится: главное в таком деле – опыт. За отпущенное ему время он научился проводить *процедуры* столь виртуозно, что в определенных местах обязательно сорвал бы бурю аплодисментов от восхищенных поклонников. Впрочем, никакого удовольствия от вскрытия *ларца* он не испытывал – это было сугубо вынужденной мерой, наслаждение от подобных вещей могут получать только больные люди. К счастью, чувство вины не будет его угнетать слишком долго – уже через неделю он планирует покинуть Москву. Насухо вытерев руки кухонным полотенцем, незнакомец достал из шкафа детали предстоящего *маскарада*. Быстро переодевшись, он вошел в комнату.

...Маша открыла глаза на звук шагов, содрогаясь всем телом. Увиденное снова заставило ее предположить – она спит или бредит. Человек у ее кровати был одет столь вычурно и театрально, что казался клоуном, сбежавшим из провинциального цирка. Серый цилиндр, широкая накидка из черной ткани (кажется, ее еще называют «крылаткой»), скрывающая лицо маска в стиле «летучая мышь», руки в кожаных перчатках. Фокусник на выезде, вот-вот вытащит из цилиндра дрыгающегося кролика. Через прорези маски на нее спокойно смотрели два карих глаза. Она перевела дух. Маска – это отлично. Зачем похитителю скрывать свое лицо, если он собирается ее убивать? Значит, опасается, что она его *потом* узнает. Поэтому наверняка не убьет.

По груди разлилось горячее тепло радости. Она останется в живых.

¹ В 2006 году в пригороде Вены (Австрия) от своего похитителя сбежала девушка, которую тот украл в детском возрасте и продержал в подвале своего дома восемь лет.

– Любые деньги... – прошептала Маша. – Любые... дайте мой мобильник, он в сумочке. Только один звонок... папа заплатит... наличными, сразу же... Он не будет задавать никаких вопросов – *золотые*, фунты, евро, что угодно...

Человек в маске вел себя так, как будто ничего не слышал. Молча приблизившись, он приналег на железную спинку ее ложа, отодвигая его, – раздался скрежет металла и скрип обшарпанных половиц. Скосив глаза ниже, Маша случайно увидела то, что все это время было надежно скрыто кроватью.

...Ее крик перешел в протяжный вой раненого животного. Она молила, угрожала, билась в судорогах на кровати: «Вы знаете, *кто я*? Знаете?» Похититель молчал. Минут через десять, обессилев, она вцепилась сломанными ногтями в смятое покрывало. Голос пропал, превратившись в шипение. Глаза представляли собой красные блюдца, наполненные слезами.

– Не надо так делать, – ласковым шепотом сказал похититель.

Девушка вздрогнула – бархатные интонации вдруг показались ей знакомыми.

– Уверяю тебя – кричать здесь совершенно бесполезно, – деликатно продолжил он, не повышая тона. – Обещаю одно – тебе не будет больно.

Маша замолкла, подавившись рыданиями.

...На полу синеватыми огоньками одна за другой вспыхнули пять свечей, освещая начертанный голубым мелом большой ровный круг.

Глава вторая

«Проект Бекбулатович»

(21 февраля, понедельник, утро)

Водители доброго десятка машин, тускло блестящих подмороженными боками, не скрывая удивления, рассматривали рыжеволосую женщину лет тридцати с курносом носом, несмотря на холодное время, густо обсыпанным веснушками, а бледная кожа была покрыта легким слоем тонального крема. Сидя за рулем потрепанной темно-синей «тойоты», женщина, хмуря тонкие рыжие брови, самозабвенно *загубала*, что называется, в крест и в веру. Ее голос был высок и пронзителен – смачные выражения доносились до соседей даже через плотно закрытые стекла. Не выдержав, сидящий мужчина с благообразной бородкой (по виду отставной коллежский советник) приоткрыл стекло своего «фольксвагена», дабы сделать рыжеволосой фурии замечание о правилах поведения приличной девушки в дорожной пробке.

– Мадемуазель... соблаговолите-с простить за дерзость, но...

– Прошу прощения, сударь... хули вы лезете не в свое дело?

...По обеим сторонам помпезного проспекта высились дворянские флигели с набившими оскомину неизменными колоннами, лепниной и старомодными флюгерами. Часть – с облупившейся штукатуркой, часть – после свежего евроремонта. Многие из них уже давным-давно не принадлежали своим титулованным хозяевам: на первых этажах разместились престижные офисы и модные бутики. Обедневшее, погрязшее в карточных долгах дворянство еще в семидесятые годы активно распродало поместья и особняки, которые охотно покупали представители разбогатевшего на медовом буме купечества. В результате на проспекте Белой Гвардии владением аристократии считался только дом графа Шереметева – с фигурными атлантами, держащими на могучих плечах круглые и пузатые, как бочки, балконы. Хозяин обветшалого особняка работал учителем в гимназии, содержать жилище было ему не по карману. Однако, перебиваясь с хлеба на воду и покупая одежду на китайских вещевых рынках, в телевизионных ток-шоу Шереметев гордо заявлял – он не имеет права торговать честью предков. Правда, это не помешало графу сдавать стены дома для размещения билбордов, рекламирующих прокладки. Остальные носители громких фамилий такой щепетильностью не отличались: недавно князь Голицын вдребезги проигрался в «блэк джек» в казино «Полтава» и был вынужден продать с аукциона фамильную усадьбу. Особняк на Пречистенке купила под офис «Царь-кола» – ведущий производитель отечественного лимонада.

Машины не сдвинулись ни на миллиметр. Бог ты мой, когда же она попадет на работу? Пробки в Белокаменной просто дикие: автомобилей с каждым годом все больше и больше, плюс князьям императорской крови по закону от 1856 года полагалось добираться на работу в экипажах, запряженных пятериком лошадей. И этот факт ничуть не улучшал уличное движение. Когда слышишь в новостях: «Около Триумфальной арки столкнулись два мерина», уже не думаешь, что это были два «мерседеса».

Нетерпеливый февральский ветер злобно трепал обрывки рекламного плаката на боку одного из шереметевских атлантов: блокбастер «Кошкодав» в стиле славянского фэнтези – мускулистый белокурый мужик разрывает пополам пасть саблезубого кота-мутанта. У трактора «Дягилевъ», славного своими блинами с икрой, выясняли отношения в стельку пьяные мастеровой и купец; напротив зиял разбитыми витринами закрытый суши-бар «Микадо».

Люди вокруг постепенно пропитались волнами ее настроения: бывшее спокойствие исчезло. Кто-то возмущенно размахивал руками, кто-то отчаянно сигналил, кто-то виртуозно матерился трагическим басом – похоже, это был тот самый коллежский советник, недавно сделавший ей замечание. Надо же, какой интересный герб на его машине – длинный язык под зна-

ком доллара, обвивающий пушистого хомяка с набитыми щеками. Не иначе как в пиар-агентстве графа Синявского мужик работал, когда заслужил личное дворянство². Хотя на соседнем черном джипе «чероки» еще забавнее – перекрещенные селедки, а над ними луковица, водитель точно из астраханских купцов, никакой фантазии. Да что там купцы? Даже среди танцовщиц в стриптиз-трактирах дворянки не редкость, видала она одну такую фамильную эмблему – золотой шест и три серебряных лифчика.

Рассматривать гербы Алисе вскоре наскучило. Тряхнув копной рыжих волос, она взяла с соседнего сиденья книгу писателя Арсения Васильева «Полуостров Камчатка». Купила недавно: подруга Варвара очень хвалила, понравился прикольный сюжет – большевикам удалось захватить Камчатку, построить там настоящий коммунизм со всеобщим сексуальным счастьем и обществом, свободным от моральных устоев. Натуральный кич: даже трехлетний ребенок и тот знает – у красных не было ни малейших шансов после того, как в апреле 1917-го Ленин на Финляндском вокзале сломал себе шею, поскользнувшись на мокрой башне броневика. Представить этого картавящего чувачка, метр с кепкой, грозным властителем камчатского Кремля – явный перебор. Женщина нерешительно повертела книгу в руках и захлопнула ее с громким стуком. Может, лучше послушать радио?

Протянув руку к хромированному рычажку тюнера, Алиса включила станцию «Эхо Империи»: в салон машины ворвались возбужденные голоса известного монархиста, гофкюрера³ Леонтия Михайлова и скандального писателя Эдварда Цитруссоффа, которого когда-то шеф Отдельного корпуса жандармов выслал за границу за повесть о групповом сексе с неграми.

– Я не понимаю, как можно нашего государя не любить, – яростно орал Михайлов, наседая на собеседника. – Государь – он же невероятная лапочка, такая прям весь из себя симпатичечка, котик несообразный пушистенький. Знаете, это просто офигительный и суперский государь! Кому самодержавная монархия не нравится – тот вообще говно. О чем бишь мы? Царь наш, храни его Господь, мягок с американцами. А я бы на его месте без разговоров высадил десант на Аляске и вернул заблудших эскимосов в лоно империи. Чем они нас пугают? Долларом своим паршивым? Баксы даже для сортира не годятся: их печатают на чертовски жесткой бумаге-с.

– Да пес с ним, с долларом, – встрял в разговор ведущий. – Наша валюта привязана к евро. Но у нас звонок. Слушателю из Улан-Удэ интересно, как вы относитесь к тому, что император собирается отречься?

Михайлов, как обычно, долго не раздумывал.

– Это катастрофа, – крикнул он, отпихнув метнувшегося к микрофону Цитруссоффа. – Согласно опросам, проведенным по заказу правящей партии «Царь-батюшка», у его величества-с рейтинг популярности семьдесят пять процентов. Куда государь при таком раскладе денется от обожающего его народа? Придурки среди республиканцев распускают враждебные слухи-с, что император станет председателем совета директоров «Пчелпрома». Как такое возможно? Православный царь, помазанник Божий – и будет свои штаны протирать в компании по экспорту пчелиного меда, а любой смерд в чине коллежского регистратора⁴ прикажет ему отчеты составлять?

– ...Прусский-то кайзер небось пошел в «Пчелпром» работать как миленький, – вклинился Цитруссофф. – Бабло не пахнет: евро ему платят или наши червонцы, без разницы. Абсолютная монархия – это, сударь, отживший строй-с. Самые передовые в экономическом плане страны давно стали республиками, а мы так и плетемся в хвосте, рассчитывая исключительно

² Личное дворянство в Российской империи отличалось от потомственного тем, что полученный титул нельзя было передавать по наследству своим детям.

³ Придворный титул в чиновничьей «Табели о рангах», учрежденной Петром I, соответствовал званию поручика гвардии.

⁴ Низший чин в «Табели о рангах».

на экспорт меда. Да вы только подумайте: если б не вирус, поразивший западных пчел, и не открытие ученых, что медом можно лечить импотенцию, – что бы тогда с нами было? Высокие цены на мед развращают людей. Лучшие технические специалисты уехали в Америку – теперь мы даже свои телевизоры толком собрать не можем. Только и знаем, что мед вагонами на Запад гнать: и гречишный, и липовый, и цветочный. А культура? Противно смотреть, как государь приезжает в деревню, а мужики перед ним шапки ломают, кланяются в пояс и целуют ручку. Нам, ежели хотите знать, не царь нужен, а президент: он ближе, свой в доску рубаха-парень в пиджаке и галстук по примеру Северо-Американских Соединенных Штатов.

– Святая простота, – парировал Михайлов. – Думаете, заведем в нашей Раше республику, так сразу все мужички сядут с президентом курочку-с в майонезе вилочкой кушать? Скажу честно, когда я вижу светлый лик государев, у меня сердце трепещет, я тоже рад пасть ниц и к душистой ручке монаршей прильнуть поцелуем-с. Хотя не спорю – тупые репортажи по ТВ, когда его величество гуляет по коровнику в белом халате, накинутом поверх горностаевой мантии, – это перебор. Опять же, царская корона весит четыре килограмма, сейчас конструкторское бюро в Кремле работает, чтобы кондиционер внутрь встроить. Однако помазанник Божий не может в пиджаке ходить, иначе его с клерком из салона сотовой связи перепутают. Либо военная форма с эполетами, либо мантия и корона. Третьего не дано.

– На третье вскоре будет революция, – гордо пообещал Цитрусофф. – А государя – в Сибирь. Можете ехать вслед за ним и обцеловывать, где хотите.

– Вы мурло, сударь, – вскипел Михайлов (из динамиков послышался сырой шлепок упавшей перчатки). – Я вызываю вас на дуэль за оскорбление его императорского величества. Мои секунданты придут к вам завтра утром.

– Да пожалуйста, – зевнул Цитрусофф. – Мы уже и так сорок раз на дуэли дрались, хули толку? Убивать оппонента официально запрещено монаршим указом-с. На днях певец Дима Иблан с певицей Зосимь снова стрелялись из револьверов, заряженных холостыми. Или вы, сударь, шпагу выбираете? Тоже горе небольшое – подумаешь, опять мне семейные трусы продырявите.

Пространство наполнилось грохотом падающей мебели и звоном разбитых стаканов, после чего включился рекламный блок. Машины вокруг гудели в унисон: каждый считал нужным выразить протест против столь неприличной пробки. Кисло улыбнувшись, Алиса переключила радио на музыку – благо станций на FM хватало. Да уж, своим объявлением о скорой отставке его величество ввел в ступор высших сановников империи, включая и своего основного фаворита – министра двора графа Иннокентия Шкуро. Отрекается, уезжает жить в подмосковную деревню, будет спать в избе, выращивать кур и кроликов, настоящий Diocletianus Augustus⁵. Все аналитики на уши встали – да что ж у царя такое на уме? Может, и не догадались бы, но тут на ТВ вылез некий книжный червь и сообщил – в истории российской монархии подобный прецедент уже имеется. В 1575 году Иван Грозный отказался от короны в пользу крещеного татарина – Симеона Бекбулатовича и лично венчал его на царство, после чего играл комедию по всем правилам: снимал шапку, низко кланялся и писал челобитные со словами: «Холоп Ивашко, великий государь, челом тебе бьет». Однако через год этот comedy club Грозному надоел – он снял Бекбулатовича, посадив на кол тех глупых бояр, которые недалеко-виднo выказали татарину уважение и уважуху. Падкая на сенсации пресса окрестила грядущее отречение государя «Проект Бекбулатович», стало ясно, что император не собирается уходить навсегда – через годик-другой он вернется в Кремль. Всем известно умение его величества делать сюрпризы – чего стоило только назначение премьером китайского повара с дворцовой кухни. Особенно возмущался «Проектом Бекбулатович» вальяжный обер-камергер Каси-

⁵ Диоклетиан Август (*лат.*) – титул римского императора Диоклетиана (284–305 гг.), известного тем, что он на пике власти отрекся от трона и занялся огородничеством.

мов по кличке Миша два полфунта, после того как у него отобрали за карточные долги служебный дворец и любимую конюшню, он заделался ярым республиканцем.

Мобильник зазвонил так внезапно, что Алиса вздрогнула. Ну, если это бывший муж, скотина такая, она из принципа трубку не снимет. Сволочь проклятая, всю жизнь ей сгубил – вчера заявился домой в полночь, причем без запаха духов и помады на щеке: небось успел где-то помыться, хитрый подлец. Схватив трубку, Алиса едва не уронила ее обратно – на дисплее высветился номер ее непосредственного начальника, князя Павла Сеславинского. Сейчас ей определенно «вставят» за опоздание на брифинг, и ссылка на пробку не поможет. Как выражается на «разносах» безжалостный князь: «Мадам, забудьте про ваши баронские понты и езжайте на метро».

– Алло, – пискнула она дрожащим голосом. – Пал Евгеньич, я...

– Баронесса? – голос Сеславинского дрожал не меньше, чем ее собственный. – Какое счастье, что я вас нашел! Вам нужно срочно приехать в управление департамента полиции на Цветной бульвар⁶. Мне уже отовсюду звонили, включая и министерство двора, и жандармерию. Требуется ваша помощь.

Сердце Алисы упало на самое дно машины, к каблукам туфель.

– Ваше сиятельство, – робко спросила она, – а Каледин там будет?

– Сударыня, – в тоне князя появились металлические нотки. – Ваши семейные дела меня не касаются. Сегодня ночью произошло жестокое убийство, судя по почерку – серийный маньяк. Вы хоть догадываетесь, кто был убит?

Выслушав страшное сообщение, Алиса сразу забыла о возможной неприятной встрече в полицейском управлении. Швырнув мобильный на сиденье, она крутанула руль «тойоты», выезжая на тротуар. Бампер с грохотом ударился о телефонную будку. К машине, махая саблей, оперативно бросился скучавший в отдалении городской в белом полушубке. Чуть замедлив ход, Алиса на ходу сунула в его руку «шаляпинку» номиналом в пятьдесят золотых, и служивый сейчас же потерял к ней интерес. «Тойота» истерически взвизгнула изношенными тормозами, исчезая за поворотом...

⁶ На углу Цветного бульвара и Садовой располагалось московское отделение МВД, департамент полиции и Отдельный корпус жандармов являлись структурами министерства. Известное ныне здание на Лубянке занимало страховое общество «Россия».

Глава третья

Артефакты

(21 февраля, понедельник, позднее утро)

Закончив *процедуру*, я вернулся домой усталый, но довольный. Первым делом сбросил в прихожей прилипшую к телу одежду прямо на пол – несмотря на холод, заполняющий пространство узкого коридора, я желал почувствовать кожу свободной от любого покрова. Времени у меня было в обрез, но я не мог отказать себе в любимом удовольствии: наполнил ванну и погрузился в настолько экстремально горячую воду, что тело обжигало болью. Стало намного легче – напряженные мускулы расслабились, невидимые молоточки перестали стучать в висках: опустившись до подбородка в исходящую паром жидкость, я ощущал откровенное наслаждение, смешанное с томлением. Прошло десять долгих минут, нащупав пальцами ноги цепочку на дне ванны, я полностью выпустил воду и повернул рукоятку душа. Подставив свое нежное лицо под упругие струи воды, быстро намылился абрикосовым гелем – мыльные струйки потекли по моему великолепному животу, враз покрывшемуся белоснежным слоем, будто сливочный торт на Рождество. Как же я люблю себя – век не отрывался бы от зеркала, но не могу: стыдно признаться, иногда красота моего тела вызывает у меня самого смутные желания. Видел ли меня кто-нибудь на улице? Сомнительно: светает сейчас поздно – соседи наверняка проигнорировали мой визит. Да и самих-то соседей вокруг негусто – домишко куплен на отшибе, пускай и в престижном месте: неподалеку от Трехрублевского шоссе, где так любят селиться звезды купеческого и дворянского гламура. На вскрытие первого *ларца* ушло немного времени – хвала Всевышнему, опыта в этой области у меня достаточно. Городовые уже наверняка обнаружили сюрприз, который я оставил им в самом центре Столешникова переулка. Упакован *ларец*, как всегда, отлично – не пролилось ни единой капли драгоценного *бальзама*, да и нечему там проливаться. В переулке никого – шаром покати, только пьяный бомж, закутавшись в немислимую кучу барахла, спал у церкви сном младенца. Помешать мне не могли, и я успел живописно разложить детали *ларца* – вышло безумно красиво, прямо натуральная картина Рубенса. Но, разумеется, самый лучший *артефакт* я заботливо приберег для себя.

Я не стал вытираться – мне нравилось после ванной ощущать на коже бархатистую гладкость геля и крошечные капельки воды. Оставаясь обнаженным, я подошел к целлофановой упаковке, где, умилая душу своей потрясающей первозданной свежестью и деликатным запахом, лежал первый добытый мной *артефакт*, извлеченный из нутра *ларца*. Смежив веки и скрестив по-турецки ноги, я сел в самый центр голубой *схемы*, привычным движением задрал вверх подбородок. Осторожно, словно хрустальную вазу, я двумя руками почтительно поднял драгоценный *артефакт*. Дрожа от нетерпения, положил его на язык, пупырышки которого восторженно дрогнули, ощутив подзабытый терпкий вкус. Слегка прикусив податливую ткань, я положил *артефакт* в кружочек в виде черепа, начертанный голубым мелом посреди правильного большого круга: мои губы окрасились в приятный розовый цвет. Склонив голову вперед, я замер, превратившись в изваяние, – моя грудная клетка почти не вздымалась, очевидно, со стороны казалось, что душа покинула мое брренное тело.

Через двадцать минут в комнате послышался утробный, тянущий звук на одной ноте, похожий на тибетскую молитву, он лился из меня, как густое подсолнечное масло. Я открыл глаза – комнаты больше не существовало. Я находился в другом измерении, в причудливых лабиринтах которого я был всего лишь гостем. Я видел черное пламя, поднимавшееся из земных глубин и достигавшее небес, вызывающих трепет чудовищ с перепончатыми крыльями, разверзшиеся от землетрясений долины и бурные волны взбесившихся морей, превращенных

в кровь. Похожие на драконов птицы падали и разбивались насмерть – их перья облаками кружились в последнем танце. Я готов был поклясться, что слышу раскатистый хохот, однако не исключено, что это смеялся я сам. Огромный силуэт поднялся над хаосом, злобно блеснули глаза на покрытой шерстью морде. Черное пламя превратилось в ревуший шар, ударило мне в лицо миллионом искр, обуглив оскаленный от радостного смеха череп...

Перед моими глазами снова оклеенная потертыми обоями комната с железной кроватью и треснутым зеркалом. По лбу сбежала струйка пота, кожа на щеках подрагивала от нервного тика. Чем ближе **финал**, тем явственнее станут мои видения. Я все сильнее, до судорог в мышцах, буду ощущать нестерпимый жар пламени, обонять смрадное дыхание чудовищ, захлебываясь, тонуть в глубинах кровавых морей. Где гарантия, что в этот момент я и вправду не переносюсь в потусторонний мир? Прошло всего четверть часа, но я чувствую себя так, словно неделю разгружал вагоны.

Процедура, а затем и сложная медитация отнимают много сил, наверное, то же самое ощущает лимон в соковыжималке. Дрожащей рукой я прикоснулся к волосам, мокрым то ли от купания, то ли от пота. Дело сделано. Первый шаг совершен. Осталось вскрыть еще четыре **ларца** – эта задача, откровенно говоря, не так уж и сложна... А вот с пятым, **бальзам** которого необходим для отдельной, **финальной** церемонии, придется потрудиться. Именно этот **ларец** до последней секунды **финального** таинства обязан оставаться в сознании, а его мозг – функционировать. Скажете, просто? Да куда там: некоторые сразу умирают от разрыва сердца. Если б не мое терпение, достойное стойкости викингов, то я бы уже давно угодил в клинику с нервным срывом. Что скажет художник, если за час до окончания картины вспыхнет огонь и уничтожит его шедевр, любовно создаваемый целый год? То-то и оно. К счастью, на этот раз я запасся необходимыми медицинскими препаратами. Пара уколов – и все пройдет чудесно.

Вернувшись в продуваемый изо всех щелей коридор, я подобрал с пола прозрачный целлофановый дождевик, который надевал перед каждой **процедурой**. Бросил его в ванну и снова включил душ, сдвинув красный рычажок до упора. Чуть-чуть постоял, глядя, как розовые струйки стекают с целлофана на дно и радостно устремляются к сливному отверстию. От кипятка поднимался пар, зеркало в ванной запотело, скрыв мое лицо. Что ж, наедине с собой я могу побыть и без маски. Излишняя театральность, скажете вы? Вовсе нет. Меня некому похвалить, но я всегда подходил к **процедурам** очень ответственно, читая тонны детективов, просматривая десятки сериалов; я слишком многое ставлю на карту, и мне необходимо угадывать действия полиции. Стоит оставить у **ларца** один-единственный волос – и следователи вычислят его обладателя по ДНК. Ох уж мне все эти нововведения... Похоже, в Средние века правильно делали, сжигая на кострах ученых, конструирующих крылья, убивать этих поганых изобретателей надо, пока они маленькие. Жилплощадь куплена по документам другого человека, официально тут никто не зарегистрирован, соседи по дачному поселку – спившиеся до зелени бывшие земские чиновники. Само собой, когда-нибудь это жилище найдут. Но к тому времени я уже буду с другим паспортом и другим именем... Может быть, даже с другим лицом. А почему бы и нет?

«Отпаренный» до блеска дождевик вернулся на свое место – на полку в кухонном шкафу. Что ж, пришло время зарядить **артефакт** необходимой энергией. Сильным волевым движением я раздвинул шторы, чтобы на **артефакт** со следами зубов, лежащий в голубом круге, упали лучи желтого, круглого, как сыр, утреннего Солнца. Ничего, что оно зимнее и поэтому не особенно яркое, основную роль играет вовсе не оно, а его ночной собрат – ноздреватая бледная Луна. Согласно правилу **артефакту** требуется впитать энергию обоих небесных светил, но большая часть обязательно должна приходиться на долю Луны – иначе желанный **финал** может не состояться.

От бессонницы ужасно болит голова, но, скорее всего, следующую ночь выспаться не получится. В гараже в моей второй машине связанный по рукам и ногам находится другой

ларец. Иметь два автомобиля в моем деле необходимо, так подсказывают сериалы. Свидетели покажут: Маша села в тачку, городские начнут обыскивать все желтые машины подряд. Вечером придется перекрасить кузов. Я не страдаю манией величия – обыграть полицию, вооруженную современными техническими новшествами, будет не так уж легко, пусть даже мне это и не впервой. Ничего, главный приз в *финале* затмит собой все нынешние сложности.

Что это такое? Кожа покрылась мелкими пупырышками. Странно, я не замечаю холода. Наверное, это от возбуждения – дикого, почти животного, которое я только что испытал, прикоснувшись губами к *артефакту*. Отойдя от голубой схемы, я сел прямо на пол, раскрыв себя на коленях служебный ноутбук – тот весело заиграл зелеными огоньками. Войдя в Интернет, я «кликнул» на закладку сайта «горящих» туров, мельком просматривая предложения по Таиланду. Уже через пять минут я остановился на одной из путевок по оптимальной цене – полтыщи золотых, понятное дело, отель там – старое корыто. Щелкнув мышкой, я старательно нажал курсором на опцию «забронировать», после чего выключил ноутбук. На обратном пути с работы заеду в турагентство, заберу билет и ваучер дешевой гостиницы в Паттайе. Еще десять дней – и я навсегда исчезну из этого холодного города.

...Если, конечно, у меня не будет трудностей с *финалом*.

Из последнего номера газеты «Светский хроникеръ»:

«...Как передает из Лос-Анджелеса наш собственный корреспондент Макар Солюгин, до сих пор нет определенности с прибытием в Успенский собор на коронацию нового императора голливудской звезды Дженнифер Лопес. Как заявила сама m-me Лопес в интервью „Светскому хроникеру“, она отказывается принимать оплату своего турне американскими долларами ввиду того, что обесценившиеся „травяные“ даже в США никто деньгами не считает. Последняя цена приезда капризной Дженнифер в Белокаменную – один миллион золотых. На эту сумму она собирается вставить себе двадцать шестой силиконовый имплантант в большие пальцы ног, так как других мест уже не осталось. Ответ певицы Бритни Спирс, также приглашенной на коронацию, пока не известен, поскольку звезда находится на лечении в наркологической клинике, одновременно там пройдут роды ее двенадцатого ребенка. В то же время престарелый актер Арнольд Шварценеггер принял приглашение сняться в имперском боевике „Суперкиллер“, где он появится в дуэте с российской звездой Пашей Кусенко. По сценарию предполагается, что Арнольд сыграет дедушку главного героя, в сражении с международными террористами потерявшего ноги, руки, глаза, позвоночник, кишечник, подбородок и зубы. Возможный гонорар за съемки – награждение Шварценеггера орденом Святой Анны, а также предоставление ему права участвовать в аукционе, где на торги будет выставлена усадьба Ивана Тургенева.

...Столичная жизнь продолжает бурлить: московский бомонд всю обсуждает последнюю жестокую дуэль, состоявшуюся между звездой „Европовидения“ Димой Ибланом и певицей Zosimъ. Их ссора вспыхнула в пятницу на тусовке в клубе „16 пудов“, где Zosimъ публично обвинила Иблана в сокрытии своего истинного происхождения. По ее мнению, он не является горским князем, а дворянскую грамоту смоделировал на компьютере. Нелегальная продажа фальшивых дворянских грамот действительно является крупным фактором московского черного рынка, однако Иблан потребовал сатисфакции. В стихийно возникшей драке пострадали все три участницы украинской группы „Вибраторъ“ (одной из девушек раздавили силиконовую грудь), а также гламурный цирюльник Сергей Монстров. Пьяный гусарский

поручик, воспользовавшись беспомощным состоянием звезды, принял его за женщину, но в итоге сам был госпитализирован с сердечным приступом. Отметим, что дуэли становятся весьма модными среди столичной элиты. На прошлой неделе произошло сражение на боксерском ринге братьев-боксеров Облучко с рэп-певцом Тимотэ. Он, впрочем, на дуэль не пришел, поэтому братья подрались друг с другом.

...Известный купец первой гильдии, оптовый торговец медом Фома Абрамович прислал остатки своего обеда в богадельню, где живут обедневшие помещики, из-за карточных долгов они были вынуждены продать свои поместья и бомжевали на улице. Господин Абрамович отметил, что и впредь готов делиться хлебом с бедными людьми, хотя и пострадал от развода со своей алчной супругой. Обедневшие дворяне подписали коллективное письмо с благодарностью щедрому купцу и выразили надежду: в другой раз тот пришлет им объедки от своего ужина – ожидается, что там будет вволю шелухи лучших лобстеров.

...Императорская власть всеми силами пытается привлечь подданных на парламентские выборы. Сегодня по „Импери́я-ТВ“ выступил главный колдун с острова Гаити, оперирующий черной магией. Зарезав перед телекамерой петуха, негр в белой раскраске побрызгал вокруг себя кровью и обещал: те избиратели, которые не придут на участки, превратятся в зомби, а из глаз у них ползут черви. „Они прокляты загробным миром, – зловеще предрек колдун. – Снять магическое проклятие можно, лишь проголосовав“. Посмотрев на негра, оппозиция обвинила царя в использовании „черного пиара“».

Глава четвертая

Мерзавец

(21 февраля, понедельник, позднее утро)

Гранитные сфинксы, величаво возлежавшие на когтистых лапах у основания парадного подъезда имперского МВД, равнодушно наблюдали за входящими посетителями. Внушительное здание, на этажах которого находились департамент полиции, Отдельный корпус жандармов и финансовая гвардия, было расположено на углу Садовой и Цветного бульвара – проехать туда даже дворами оказалось не так легко. Преодолев вертящуюся стеклянную дверь, Алиса ужасно смутилась: в роскошном вестибюле с мраморным фонтаном в виде русалки толпились человек двадцать крупных чиновников при орденах и золотых эполетах. В их числе самое высокое начальство, какое только возможно вообразить, – сам начальник Отдельного корпуса жандармов Виктор Антипов. По непонятной причине отсутствовал знакомый ей директор департамента полиции Арсений Муравьев – она узнала его помощника по следственным делам и личную секретаршу. При виде этого самого помощника смущение Алисы сменилось тихой яростью. По правую руку от Антипова нагло отирался молодой человек ее возраста, блондин среднего роста, стриженный под «бобрик», с холеным дворянским лицом, его портил лишь нос с небольшой горбинкой. Алиса готова была поклясться – под вицмундиром у этого типа надета неизменная майка с логотипом «Раммштайн», которую она ненавидела всей душой. Уж кто-кто, а она хорошо знала столь интимную подробность. Коварный блондин был не кто иной, как ее бывший муж, титулярный советник Федор Каледин; не прошло и двух месяцев, как они со скандалом развелись в духовной консистории⁷. Пользуясь отсутствием своего прямого начальника, мерзавец Каледин занимался привычным делом – гнусно любезничал с секретаршей Муравьева – грудастой девицей Анфисой. Уничтожив подонка презрительным взглядом, Алиса лучисто улыбнулась прочим господам, кои немедленно выстроились в очередь целовать ей ручку. Да, князь Сеславинский оказался прав – ночное событие поставило на уши всех VIP-сотрудников органов внутренних дел империи. Одним из первых ее пальчики смачно лобызнул тайный советник Антипов, а этого потного, сопящего борова в увешанном орденами мундире просто так из теплого кресла не вытащишь. Как шепнул Алисе на ухо адъютант Антипова, юный, похожий на девушку подпоручик (и заядлый картежник) Сашка Волин, собирался подъехать и сам московский градоначальник – престарелый фельдмаршал Кустиков. Положение Кустикова в последнее время было весьма шатким: ходили упорные слухи, мол, государь им недоволен, а чиновники министерства двора критиковали бизнес супруги фельдмаршала – сдобной купчихи Кадушкиной, продававшей бочки для засолки огурцов. Враги сплетничали: те лавочки, которые не хотели покупать бочки, городская управа закрывала за нарушение санитарных норм. Но вслух об этом говорить опасались: на Кадушкину работали лучшие адвокаты, в том числе и внук знаменитого Плевако, за полчаса речи в суде рвавший тысячу золотых.

– ...Баронесса, голубушка, – засопел многопудовый Антипов, умильно прильнув к ее руке. – Рады видеть вас в добром здравии. Простите, что побеспокоили, но случай у нас – из ряда вон выходящий. Понимаю, не дамское это дело-с, однако ежели не поможете – считайте, мы погибли.

– Что от меня требуется, ваше сиятельство? – формально посерьезнела Алиса.

– Пройти в здешний морг, сударыня, для этого вас и ждем-с, – засуетился Антипов. – Как, вероятно, вас известил князь Сеславинский, ранним утром в Столешниковом переулке

⁷ Специальный отдел в Русской православной церкви, в числе прочего занимается церковными разводами венчаных супругов.

обнаружен изуродованный труп одной **очень значительной особы**... Причем настолько значительной, что государь, узнав об этом печальном событии, собственноручно изволил позвонить в МВД и дать серию высочайших указаний. Когда министр вызвал нас к себе, он был весьма обескуражен, я грешным делом даже подумал: не иначе как анархисты бросили майонез в карету премьера. Как вы понимаете, князь не будет лично заниматься этим делом, он лишь берет его на особый контроль, как это называют по телевизору. Совместное расследование ввиду его особой важности поручено сразу двум отделам МВД – жандармскому корпусу и департаменту полиции. Тело погибшей в кошмарном состоянии, но вам, увы, такие страшные зрелища не в новинку. Иначе не осмелился бы звонить-с.

Алиса холодно кивнула. Ей действительно уже не раз приходилось приезжать по срочным вызовам департамента полиции, чтобы давать психологическую характеристику особо жестоким убийствам. Дипломированный психолог-криминалист, с оксфордским образованием и восьмилетним стажем работы, она ежегодно посещала за границей специализированные симпозиумы, посвященные серийным убийцам. Вот уже два года как фон Трахтенберг работала консультантом в Центре князя Сеславинского, занимавшемся исследованиями мозга знаменитых маньяков. Как только она услышала имя жертвы, то поняла – ожидается скандал. Немудрено, что вызвали ее, хотя услуги специалиста Центра всегда стоили очень дорого. Стало быть, есть подозрение: убийство – работа «серийника».

Дружно накинув на плечи белые халаты, чиновники проследовали по лестнице к находящемуся на втором этаже полицейскому моргу. Пожилой врач с бородкой клинышком, волнуясь от присутствия столь высоких особ, с извинениями попросил человек десять (к радости Алисы, в их числе оказалась и злобная секретарша Анфиса) остаться снаружи: небольшой морг не был предназначен для такого количества посетителей. Помещение Алисе знакомое – серая, похожая на ящик цементная комната, куда привозили для детального осмотра «сложные», по полицейской терминологии, трупы – либо жертв серийных маньяков, либо погибших дворян в чине не ниже камергера. В данном случае они получили «два в одном». В центре «ящика» на продолговатом цинковом столе (похожем, скорее, на поднос) лежало нечто бесформенное, прикрытое ослепительно белой простыней. По всей простыне расцвели тончайшие «розы» из сукровицы, сплетаясь в жуткую паутину.

– Как именно это случилось? – спросила Алиса, оборачиваясь к Антипову.

Вместо него заговорил подпоручик Волин, нервно покусывая губы:

– Пока неясно, баронесса. Примерно в шесть утра бомж Муха, бессменно обитающий на паперти церкви Косьмы и Дамияна в Столешниковом переулке, проснувшись, обнаружил в десяти метрах от себя то, что он принял в предрассветной темноте за кучу тряпья. При ближайшем рассмотрении бесформенная куча оказалась трупом обнаженной барышни. Живот усопшей вспорот от лобка до горла, все внутренности вынуты из тела и аккуратно разложены рядом. Горло перерезано, но крови на теле нет – скорее всего, ее убили в другом месте, а уже потом устроили натюрморт в Столешникове. Муха добежал до городского на перекрестке, который на всякий случай задержал его, а потом связался по рации с департаментом. Первым на место преступления выехал лично Федор Аркадьич, он же идентифицировал убитую как ведущую реалити-шоу «Завалинка» Марию Колчак.

Последовал кивок в сторону Каледина, но тот уже не улыбался – видимо, без Анфисы чувствовал себя некомфортно. Алиса удовлетворенно фыркнула. Так вот, оказывается, куда он выбежал из дому ни свет ни заря, а она-то подумала... Впрочем, ее правильного определения, что Каледин ужасная скотина, это не отменяет.

– Что же, его высокоблагородие уже поймал убийцу? – вставила она шпильку, подняв голову и бесстрашно посмотрев в глаза экс-супруга.

– Ничуть, – спокойно заявил мерзавец Каледин, цинично разглядывая ее обтянутые халатом формы. – Где ж его было поймать? Бомж Муха невиновен, это очевидно. Служебная собака

след не взяла. Вероятно, жертву доставили в Столешников на легковой машине в сумке или пластиковом мешке, после чего останки живописно разложили рядом с церковью. Первым делом, господа, мне подумалось, что это месть противников ее реалити-шоу. Ежедневно Мария Колчак получала сто тысяч мэйлов и анонимных бумажных писем с оскорблениями, самым корректным из которых являлось слово «лошадь». Замученные телепередачей зрители обещали сделать с ней такое, что случившееся выглядит попросту детским капустником.

– Да-с, – почесав тройной подбородок, подтвердил Антипов. – Знаете ли, мне лично приходилось эти письма расследовать – ей угрожали и старушки-пенсионерки, и статс-дамы, даже тинейджеры из кадетского корпуса. Я ни разу не видел передачу покойной Маши Колчак – право, что же там плохого?

Чиновники откровенно замялись. Низенький упитанный коллежский секретарь Яковлев из следственного отдела, хоронясь за спинами коллег, вытащил мобильник и срочно удалил картинку голый Колчак, которую буквально вчера скачал с сайта ее реалити-шоу «Завалинка».

– Эээээ... – проблеял Волин. – Да ничего-с особенного, ваше сиятельство. Столбовых дворян титулом не ниже графа отправляют в глухую деревню на сибирских просторах и учат там жить простым сельским бытом: носить ведрами студеную воду из колодца, коров доить, дрова рубить. И все это, разумеется, под круглосуточным прицелом видеокамер.

– Типа сериала ужасов? – догадался Антипов. – «Байки из склепа»?

– Ну да, – согласился Волин. – Но рейтинг будь здоров – особенно после того, как княжна Ухтомская при уборке навоза в прямом эфире умом тронулась.

– Святый боже, – истово перекрестился жандарм. – Тяжелая работа была у Машеньки, упокой Господь ее душу. Кстати, его величество уже лично звонил отцу покойницы с соболезнованиями и обещал найти убийцу. Простите, баронесса, за эти слова, но мы с вами, уважаемые господа, находимся в глубокой заднице. На все про все царь дал нам неделю. Ежели не изловим негодяя – хором поедем на Камчатку новые полицейские участки открывать в охотничьих поселках посреди дремучей тайги.

Алиса радостно вздохнула – Бог услышал ее молитвы и оперативно покарал нечестивца Каледина. Камчатка – самое оно. Была б ее воля, она туда сослала бы еще как минимум человек сто, в том числе и наглуую соседку Нинку. И уж точно секретаршу Анфису, два дня назад настойчиво приглашавшую Каледина в кино на скандальный французский фильм эротического содержания. Эти крестьянки липнут к дворянам как банный лист. В генах заложено со времен войны с Наполеоном – эскадрон гусар идет через деревню, а через девять месяцев в каждой избе по ребенку.

– Поедешь, я, так и быть, одолжу тебе свою шубку, сволочь! – склонившись к уху Каледина, прошипела Алиса и сразу повернулась к Антипову, хлопнув ресницами. Эффекта сие действие не возымело – бывший муж лишь усмехнулся, переключаясь на начальство. Даже обидно, ну что ж за тварь такая...

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! – щелкнул каблуками Каледин. – Смею вас заверить: мы со своей стороны приложим все усилия, чтобы арестовать злодея. Осмелюсь заметить, отец Маши Колчак – томский генерал-губернатор, давний приятель его величества, по субботам они вместе играют в городки. Тут даже и не Камчаткой может закончиться – в вечную мерзлоту сошлют. Да и пресса тоже постарается. Нет сомнений, что через полчаса новость о зверском убийстве в Столешниковом появится во всех телевыпусках новостей, случай из ряда вон выходящий. От руки маньяка погибла ведущая популярного реалити-шоу, и каким образом! Бедную девочку освежевали как дикую коосулю.

Пожилой врач по знаку Антипова сдернул простыню с цинкового «подноса». На потолке режущим светом вспыхнули лампы, позволяющие лучше рассмотреть *то*, что лежало внизу. По группе чиновников стремительной волной пронесся шепот; один из генералов негнушимо пальцами полез в карман за валидолом, шумно сглатывая. Тело Машеньки Колчак было

неестественно белым, будто продолжало мерзнуть под свежавыпавшим снегом в Столешниковом переулке. От идеально выбритого лобка почти до ключиц тянулась ровная, как стрела, багровая полоса. На горле – точно такой же след, только тонкий, словно ниточка. Глаза широко распахнуты, но в них нет никакой боли – только равнодушие и усталость.

– Как заявляет наш медэксперт, – казенным тоном отчеканил Каледин, – девушке сначала сломали шею, а уже потом перерезали горло.

– С какой стороны сделан надрез? – неожиданно перебила его Алиса.

– С правой, – чуть удивившись, ответил Каледин. – После этого через брюшину извлечены все внутренние органы – сердце, печень, легкие, почки, желудок. Врач в шоке – ни один из имеющихся в нашем распоряжении органов не задет и даже не поцарапан; по его мнению, хирургическое вскрытие делал профессионал. Более того... он считает – ему самому понадобилось бы на это как минимум полчаса. Однако, согласно предположению доктора, убийца выпотрошил тело с рекордной скоростью...

– Всего за пятнадцать минут, – вновь встряла Алиса. – Так?

– Так, – стушевался Каледин. – А откуда ты... вы...

– Неважно, – прикончила его взглядом зеленых глаз Алиса. – И что дальше?

– Дальше? – взял себя в руки Каледин. – Дальше, *сударыня*, вышло вот что. Закончив, этот парень разложил внутренности мертвой девушки по странной схеме – одну половинку почки возле левого плеча, другую – у левой щиколотки. Печень вложил в правую руку, в левую – отрезанную грудь. На лоб прикрепил кусочек сердца. Желудок и легкие – на равных расстояниях с обеих сторон – как будто невидимый круг начертил. Кровь из тела жертвы исчезла практически до капли. Все это сделано с явным расчетом на внимание. Он хотел, чтобы труп обнаружили в публичном месте.

– Еще бы, – королевствовала Алиса. – Это как раз в его правилах. Я уверена, что какой-то части вынутых им из туловища органов не хватает. Так?

– Да, – ответил вконец сбитый с толку Каледин. –левой почки.

Алиса обошла вокруг трупа, вглядываясь в застывшее лицо. Мертвецы ее уже давно не пугали, как любого профессионального криминалиста, за время практики она видела и не такое. Большинство чиновников в помещении морга тоже привыкли к подобным художествам смерти, особо нервных успокоил валидол, лишь бело-зеленый, как вампир, подпоручик Волин страдальчески хватал ртом воздух. Алиса запоздало пожалела, что рядом нет секретарши Анфисы: ее обморок пришелся бы очень кстати.

– Горло перерезано с правой стороны, – произнесла она вслух, ни к кому не обращаясь. – Этот человек не хотел, чтобы на него попала даже капля крови из вскрытой артерии. Он извлек внутренности за рекордно короткое время и, очевидно, прихватил с собой на память левую почку. Вы не узнаете, чей это почерк? Я удивляюсь, почему титулярный советник Каледин не пришел к соответствующему выводу раньше меня. Возможно, в этом виноват недостаток его образования либо слишком маленький опыт работы...

Если бы Алиса могла, она бы добавила, что этот опыт столь же мал, как и некоторая другая *штука* ее бывшего супруга. Но и без того вышло неплохо. Тяжело дыша, Каледин уставился на нее налитыми кровью глазами – в присутствии начальства его еще никто так не «опускал». Ощувив в сердце чувство пьянящего полета, весьма похожего на экстаз Наполеона в битве при Маренго, она отвернулась от морально раздавленного мерзавца.

– Так каков же ваш главный вывод, мадам? – тревожно спросил жандарм Антипов при всеобщем молчании на фоне зловещего калединского сопения.

– Такой, ваше высокопревосходительство, – сдержала Алиса, зная, что это ей сойдет с рук. – Я не исключаю – скоро мы получим по почте письмо, написанное чернилами из крови, а также посылку с надкушенной почкой. Самое главное, убийства обязательно продолжатся, поэтому потребуются ввести ночное патрулирование центра города казаками. Перед нами тот,

кого среди криминалистов называют «подражателем»: копирующий деяния своего кумира так старательно, словно на ксероксе.

– И кого он копирует? – поинтересовался жандарм, нервно дергая мочку уха.

Алиса открыла рот, но, опередив ее, Каледин нанес молниеносный удар.

– Джека Потрошителя, – небрежно сообщил он, и чиновники замерли в изумлении. – Я догадался об этом сразу, но поскольку ваше сиятельство изволили пригласить эксперта, счел нужным дать ему высказаться.

Алиса мечтательно прикрыла глаза и представила, как бьет Каледина в нос.

Пожилой врач щелкнул выключателем – лампы на потолке, блеснув, погасли, на растерзанное тело вновь легла застиранная казенная простыня.

Глава пятая

Государь

(21 февраля, понедельник, ближе к полудню)

Его величество, повертев в руках неудобную корону из чистого золота, осторожно надел ее на голову, внутри что-то зажужжало – лысеющую макушку царя освежила приятная прохлада. Да, не перевелись еще умельцы на Святой Руси – вот, пожалуйста, вставили в эту штуку кондиционер, теперь ходи да радуйся. Она ж тяжелая, сволочь, даже в лютый мороз в пот бросает, как в сауне: на виски давит, затылок ломит, мокрый лоб чешется. А про шапку Мономаха и говорить нечего – густой соболий мех, зимой еще туда-сюда, а в июле превращается в пытку. Хорошо хоть горностаевая мантия, украшенная пушистыми хвостами, легка и приятна на ощупь. Конечно, сначала он наступил на нее пару раз и упал, но вскоре привык. Другое дело, защитники животных замучили – на прошлой неделе в Совете Европы поднимали вопрос, чтобы мантии европейских монархов делались из искусственных материалов – целлофана или акрила. Представьте себе – праздник, гарцует гвардия, дуют трубачи, летят фейерверки, и тут во всем блеске выходит король в целлофановой мантии. Ей-богу, чокнулись уже совсем со своей политкорректностью.

Император, звеня платиновыми шпорами на штиблетах, не спеша прошелся по тронной комнате. Зеленые стены, украшенные белыми орлами, сверкающие многоярусные люстры из горного хрусталя, кофейные столики из уральского малахита, специальная стойка для пивных кружек и, конечно, бочка добротного баварского «мюншенера». В центре зала – трон, выточенный из цельного куска золота, весящий пару тонн; к подножию ведет вышитая вручную ковровая дорожка с исфаханским орнаментом – подарок персидского шаха. Между букетами роз – плоский плазменный экран в обрамлении мощных колонок. Жаль такую красоту, а ведь придется уехать в деревню. Австралийские инженеры уже и вольеры для кроликов построили, и самих зверьков завезли – всего через неделю он отречется от трона. Восемь лет правил – честное слово, устал. Когда старенький спившийся царь предложил ему, тогда занимавшему пост главы Отдельного корпуса жандармов, надеть шапку Мономаха, он не удивился. От династии Романовых остались рожки да ножки, а титул наследника престола давно сделался ненужной формальностью. Да иначе и быть не могло.

Перед строгим взглядом государя, словно наяву, встали отпечатанные на недорогой бумаге сухо шелестящие страницы гимназического учебника по истории, утвержденного Министерством просвещения империи.

«25 августа 1917 года (перенесенный на 32 сентября, этот день в империи теперь считался важным праздником с бесплатной раздачей пива) **славный сын Отечества генерал Лавр Корнилов двинул на Петроград третий конный корпус и Дикую дивизию. Временное правительство было низложено, а премьер Керенский бежал, переодевшись в детскую одежду – панамку и короткие штанишки, с погремушкой в руке. Тысячи большевистских агитаторов пали жертвами гнева православного народа, Москва вновь объявлена столицей – как колыбель русской монархии, а глупый эксперимент с республиканским правлением был признан «противоречащим русскому духу». Генерал Корнилов освободил из-под нечестивого ареста Государя Императора с Государыней Императрицей. Его Величество в благодарность торжественно объявил Лавра своим преемником. Тот, будучи исполнен природной скромности, отказался и передал корону популярному в народе оперному певцу Федору Шаляпину. В 1918 году закончилась Первая мировая война, разгромленная Германия была возвращена к состоянию 1864 года и разделена на 38 государств: королевства Прус-**

сию, Вюртемберг, Баварию, Ганновер и множество мелких княжеств. По условиям Московского договора Россия получила турецкий город Стамбул, переименованный обратно в Константинополь, а также бывшую германскую колонию в Африке – Намибию. 7 ноября 1918 года российские ссыльные, устроив революцию в Женеве и Лозанне, захватили власть в Швейцарии, объявив ее «социалистической республикой». В 1927 году Государь Император трагически погиб во время охоты в Намибии – его задавило упавшим жирафом. Вскоре Федор Шаляпин был коронован в Успенском соборе (точнее сказать, к власти в империи пришла генеральская хунта в составе Корнилова, Юденича, Колчака и Деникина). Народ искренне полюбил доброго Царя Федора (ему присвоили звание супер-обер-генералиссимуса и дали столько орденов, что приходилось надевать их даже на спину). Спустя 30 лет после начала мудрого правления здоровье Императора ухудшилось (таская на себе тяжесть орденов, Шаляпин потерял голос и уже не мог исполнять знаменитую «Дубинушка, ухнем!»), и он отошел к Престолу Отца Небесного. Его тело решили сохранить для потомков, похоронив на Красной площади в хрустальном кубе – выполненное из стекла здание с куполом, греческими колоннами и церковнославянскими буквами ФЕОДОРЪ. К сожалению, Государь умер внезапно, не оставив наследников, вследствие чего возник деликатный спор между его приближенными (кровавая разборка генералов – престарелый Корнилов и дряхлый Деникин были убиты в перестрелке, дошло до ввода в Москву тяжелых танков обер-егермейстера Багова). В результате компромисса Дворянского собрания, святейшего Синода, Государственной думы и шестого гусарского эскадрона в 1957 году на трон был возведен Император Тарас Поповских (остальные претенденты на корону погибли в уличных боях – митрополит Московский короновал толстяка-подхорунжего из запорожских казаков). Через десять лет Государь отрекся от престола по болезни (произошла дворцовая революция), и в Кремль на санях прибыл Божией милостию Император Илья Волкобоев, избранный на Царство Семеновским полком, при изучении архивов выяснилось, что Илья – прямой потомок служанки Ярослава Мудрого и имеет права на корону...»

Ну а дальше пророком быть не надо – Россия пошла по пути поздней Римской империи. В чертогах античных государей власть переходила не от отца-августа к сыну-цезарю, а захватывалась дворцовой стражей либо император усыновлял понравившегося ему офицера. Империя погрузилась в пучину переворотов: окраины сотрясали мятежи инородцев, а кандидатов в императоры развелось больше, нежели бродячих собак. Закончилось плохо: в 1995 году популярный претендент с Урала, вооружив отряд обедневших дворян вилами и лопатами, клятвенно пообещал: в стране будет установлена республика. Его ополчение триумфально заняло Москву, а империя распалась – отложились Украина, Прибалтика, Польша и Финляндия, Константинополь вновь стал Стамбулом и радостно присоединился к Багдадскому халифату. Новый правитель по имени Николай Борисович торжественно въехал в Кремль на белом пони, которого держал под уздцы его верный лакей – генерал-аншеф Пирожков. Через день Николай Борисович, опохмелившись, рассудил: республику он объявлять не собирается, а стоит за конституционную монархию по британскому образцу. Должности при царском дворе получали те, кто умел быстрее наливать выпивку и ловчее подавать закуски. Один прощельга из Екатеринодара, утром приехав в Москву в звании сенатского регистратора, к вечеру был назначен титулярным камергером с золотым ключом – царя развеселило, как тот умеет глазом открывать пивные бутылки. Девять лет назад, после очередного похмелья, гуляя на пиру среди шутов и карлиц, государь вызвал нынешнего императора к себе и... подписал указ об его усыновлении, объявив наследником. Первыми взбунтовались ура-патриоты, ибо новый кандидат в цари происходил из саксонских переселенцев, в XVIII веке прибывших на Русь из Дрездена: «С какого бодуна на русский престол немчуру коронуем?» Впрочем, все удалось замаять – Главный канал ТВ, контролируемый тогда купцом первой гильдии Платоном Ивушкиным, в темпе

сделал с десяток передач и ток-шоу о потрясающей пользе, которую принесли империи цари с немецкой кровью. Рейтинг вырос как на дрожжах: старый царь, похлопав «сыночка» по плечу, отрекся и отправился в new-Царское Село отмечать Масленицу, а свежеиспеченный император приступил к формированию правительства из дрезденских баронов. Давая интервью прессе, новые министры постоянно сбивались на родной немецкий, с отвращением жевали кулебяку вместо сосисок, а из самоваров по утрам пили кофе. Чиновники начали срочно стричь бороды для быстрой карьеры при императорском дворе, но в этом отношении им не повезло. Царь поощрял «возврат к корням», для чего показательно раз в год ездил в деревню пахать поле под телекамерами, разумеется, одноразовым надутым плугом.

– Ваше величество, – раздался вкрадчивый, как дуновение ветерка, шепот. Император вскинул голову, поняв, что отвлекся. Перед ним, согнувшись в раболепном поклоне, стоял лакей в расшитой орлами ливрее. – В приемной ожидает сиятельный граф Шкуро. Прикажете пригласить?

– Да-да, – шелкнул пальцами царь. – Конечно, братец.

– Слушаю, ваше величество, – степенным шагом подойдя к дверям, лакей обеими руками распахнул створки, зычно крикнув дьяконовским басом:

– Министр двора (троекратный стук серебряным жезлом в пол) его сиятельство граф Шкуро... (набрав воздух в легкие) К ГОСУДАРЮ!

...Шкуро с такой ловкостью скользнул в проем, что лакею сначала показалось – граф рысью пробежал у него под локтем. Приблизившись к императору, Шкуро с музыкальным звоном соединил подкованные серебром каблуки туфель от Gucci. Не мудрствуя лукаво, граф поцеловал государя в плечико – подобное обращение с царственной особой он наблюдал на приеме у халифа в Багдаде. С придворным этикетом во дворце была беда – никто не мог определить, как в соответствии с современностью вести себя при появлении императора. Служба протокола Кремля на данный момент разрабатывала удобный вариант, допускающий пожатие руки государя; посол в Лондоне уверял – подобную фамильярность позволяет себе даже консервативная британская королева. Пока же в присутствии монарха мужчины кланялись, а дамы делали старомодный книксен. Дискуссия тем временем продолжалась – вчера на «Импери́я-ТВ» выступил гласный⁸ Госдумы с предложением не копировать Запад, а ввести поясной поклон с прикладыванием правой руки к сердцу, как было принято в Киевской Руси. ...«Мда, вот и развивай у нас британскую демократию, – скучно подумал император. – Это уже в крови – каждый чиновник, хоть с тремя высшими образованиями, при виде царя обязательно норовит пасть в ноги». Обновления этикета в империи приживались с трудом – если не сказать хуже. Когда государь в первый год царствования возжелал поговорить с народом по телемосту, толпа мужиков и баб, завидев на экране живого царя-батюшку, хором бухнулась на колени прямо в грязь – в прямом-то эфире! Разумеется, всякие ультрамодные телемосты пришлось отменить раз и навсегда, их заменили регулярным выходом царя на Красную площадь – толпе бросали сладости в виде зефира и конфет «Мишка».

– Ваше величество, – растягивая слова, произнес Шкуро – его голос вполз в императорские уши, словно змея. – Боюсь, у меня для вас плохие новости.

– Рассказывайте, Иннокентий Порфирьич, – кивнул царь. – Опять по поводу сегодняшней смерти Маши Колчак? Я готов к самому худшему.

– Я только что получил шокирующие сведения от шефа жандармов, – продолжил Шкуро. – Специалисты МВД сошлись в уверенности: убийца – из тех, коих в криминологии принято называть «имитаторами». Ужасная смерть бедной Машеньки обставлена по тому же сценарию, что и сто двадцать лет назад в лондонском Ист-Энде. Маньяк пытается копировать Джека Потрошителя.

⁸ Официальное название должности председателя Госдумы в 1905–1917 годах.

Сидящий в золотой клетке под потолком соловей защелкал, выдавая удивительную по своей мелодичности трель. К окну со стороны парка стремительно спикировал породистый сокол – этих птиц разводили для «битья» ворон над Кремлем. Безрезультатно долбанув крючковатым клювом пуленепробиваемое стекло, пернатый хищник расправил крылья и исчез в ясном, не по-зимнему солнечном небе. «Эх, и хорошо же во дворце, – философски взгрустнул граф. – Прямо как соловью – тепло да светло. А царю пофиг – берет и отрекается. Что ж мне делать с ним, окаянным?»

– Печально, – нахмурился император, и Шкуро почувствовал дрожь в коленях, как будто патрон прочитал его мысли. – Насколько я помню детективы, это означает – по сюжету произойдет еще четыре убийства. А то и больше – какой же триллер без крови? Допустим, Маша явилась случайной жертвой – оно еще ничего. Но если маньяк начнет планомерно резать барышень высшего света, то мы получим дикий скандал. Представьте себе, граф, – каждый день трупы: трио «Вибраторъ», Мина Кидалаки, реалити-шоу «Завод кумиров». Да нам по телевизору показывать станет некого.

Оба собеседника постучали по дереву, нервно сплюнув через левое плечо.

– Историки приписывают Потрошителю десять – двенадцать убийств, а то и больше, – вновь склонился в поклоне Шкуро. – Дело в том, что его причастность к некоторым смертям в районе Ист-Энда Скотланд-Ярд не смог доказать – хотя почерк был весьма схожим. Городовые взяли под арест кавалера госпожи Колчак, кабардинского князя Диму Иблана, как показали свидетели, девушка поскандалила с ним в клубе незадолго до своей гибели. Департаментом полиции принято оперативное решение: выставить переодетых в штатское филеров у престижных ночных заведений столицы, а также пустить по центральным улицам казацки патрули из Донского войска.

– Логично, – одобрил император и задумчиво повертел в руке сверкающий бриллиантами скипетр, сработанный по заказу ювелирами Tiffany. – Хорошо, о самых свежих новостях докладывайте мне в любое время дня и ночи. Телеобращение я пока считаю излишним. Единственное, что можете указать, – расследование шокирующего убийства на личном контроле у государя.

– Разумеется, – Шкуро, казалось, стал ниже ростом. – Что-нибудь еще?

– Ничего, граф, – покачал головой государь. – Всего вам хорошего.

– Храни вас Бог, ваше величество, – произнес тот, плавно скользя к выходу.

Двери с грохотом закрылись, и император вновь остался в одиночестве. Взгромоздившись на бархатные подушки трона, он нажал кнопку на короне – кондиционер утих. «А может, все-таки не уходить? – с тоской подумал царь. – Вон, отовсюду петиции пишут – ткачихи, адвокаты разные умоляют остаться. Поповна молоденькая из Валдая телеграмму прислала – грозитя раздеться догола на площади и сжечь себя, если отрекусь. Надеюсь, она сдержит первую часть обещания – по крайней мере, будет прикольно. А уходить придется: просвещенная Европа смотрит. В Люксембурге герцог опять отрекся, не положено сейчас монархам долго на троне штаны протирать. Вот королева Англии молодец – восемьдесят лет уже тетке, а она все не отрекается. Принц Чарльз рыдает, в ногах валяется, говорит: „Маменька, мне шестьдесят стукнуло, я помру скоро, дай уж хоть на краешке трона посидеть“, а она как будто его и не слышит. Так и надо поступать».

Взяв отравленный золотом пульт, он включил плазменный экран, дожидаясь выпуска новостей. На экране появилась реклама водки «Госдума», которая, как уверяла голая девушка со стопкой, очищена свежим кефиром.

– Интересно, – пробормотал вслух государь. – Сколько на белом свете есть ненужных вещей. Зачем в России, например, существует реклама водки?

...Разумеется, ему на этот вопрос никто не ответил.

Вспышка № 1: Подземелье (17 августа, 738 лет назад)

...Винченцо, занеся над головой кирку, ударил по огромной мраморной глыбе, загораживающей вход в штольню. Искры и осколки камня брызнули в разные стороны, валун пронизала трещина. Рыцарь поежился – несмотря на то, что пот лил с него градом, Винченцо чувствовал сильный озноб. Не страна, а настоящая глотка дьявола – днем стоит сатанинская жара, ночью – лютый холод, пробирающий до костей, и к тому же слышно, как воют в пустыне голодные шакалы. Да если бы только это. Неделю назад невесть откуда среди рыцарей начался страшный мор: у тысяч людей вспухают за ушами какие-то шишки, и они умирают за несколько часов, корчась в крови и блевотине. Солдаты молят Господа образумить короля, чтобы тот отдал приказ погрузиться на корабли и спасти тем самым остатки заживо гниющей армии. Но, похоже, из этого ничего не выйдет – Лодовико совсем обезумел. Ну и черт с ними, пусть подышают здесь, он завтра же отплывет – шхуна контрабандистов с подкупленным капитаном уже под парусами. Осталось только выполнить приказ *своего* короля – и дело сделано.

– Винченцо! Ты уверен, что это здесь? – услышал он хриплый голос.

Слабый огонь смоляного факела осветил заросшее бородой лицо в железном шлеме, выражавшее откровенную усталость и злость, – Гильермо был в таком же настроении, как и все остальные. Винченцо ласково улыбнулся, положив руку на плечо товарища.

– Вне всякого сомнения, друг мой, – заверил он, – папирус у меня, и он точно указывает расположение; если ты не веришь ему, то старый сарацин, которого пытал Джованни, перед смертью тоже показал это место. Храм находится в подземелье прямо под песчаным курганом – ты сам видишь, что сохранились даже остатки мраморных колонн. Кроме того, мы уже наткнулись на обугленные кости... в том месте, где...

– Это место... проклято, – прохрипел Гильермо, пытаясь унять дрожь. – Лучше бы я оказался в гуще сарацин, нежели здесь, да еще ночью...

...Винченцо устало закатил глаза – набожный Гильермо боялся всего, и это изрядно утомляло. Но ссориться нельзя. Отряд рыцарей подчиняется именно ему, а без посторонней помощи подземелье не раскопашешь.

– Дорогой синьор, – сладко пропел Винченцо, приобнимая командора рыцарей. – Я понимаю – ночь, твои люди волнуются, они очень утомились. Но если мы примемся раскапывать курган днем, это увидят из нашего лагеря. Тут же прибегут французы и потребуют свою долю: если не дать ее добром, заберут силой. Да и сарацины могут объявиться.

Внутри подземелья слышались удары кирок, тоскливые ругательства и шорох сыплющейся на землю мраморной пыли. Понять настроение рыцарей будет нетрудно. Они уже три часа как забрались в шахту, ползут на карачках, а результатов не видно. Вернуться с пустыми руками к королевскому двору, конечно, можно, но крайне нежелательно. Ибо король запомнит, что он не выполнил его *ненавязчивую* просьбу, тогда о последствиях лучше не думать. Поэтому придется поработать еще.

– Ты разве не видишь – все эти ходы раскопаны до нас? – недовольно пробурчал Гильермо, сбрасывая его руку. – Да, тоннели заложены кусками мрамора, но кто знает – может быть, грабители, побывавшие тут в разное время, успели вынести все ценное. Ты не думал об этом? У меня такое подозрение, что, кроме черепов и костей, мы в этом подземелье абсолютно ничего не найдем. Надо выбираться отсюда.

– О, раз так, я готов тебя послушаться, – мирно кивнул Винченцо. – При одном условии – ты будешь лично объяснять королю в Неаполе: мы покинули курган по причине твоих страхов – здесь что-то такое проклято. Несомненно, Карл с интересом послушает о твоих видениях.

Удар пришелся точно в цель – Гильермо крикнул и, не найдя с ответом, вернулся на прежнее место, начав с таким ожесточением колотить по камню, что его лицо в проеме шлема за минуту покрылось мраморной крошкой.

– Есть! – раздался внезапно крик впереди из еле освещенного тоннеля, а потом страшный грохот, как будто на пол свалилась целая глыба. – Здесь какая-то комната... синьоры, идите скорее сюда.

Продравшись по тесному проходу среди острых камней, оставлявших на металле кирасы глубокие царапины, Винченцо с трудом протиснулся в маленькое тесное помещение в виде овала: чтобы влезть туда, ему понадобилось встать на четвереньки. Грязные и замерзшие рыцари вкуче с Гильермо уже были внутри, с суеверным страхом оглядываясь по сторонам и держа мечи наготове. Свет пылающих факелов выхватывал из темноты изломанные скульптуры с искаженными лицами, а стены... Их поверхность была покрыта ТАКИМИ чудовищными рисунками, красочно изображавшими *события* вокруг алтаря, что люди, не сговариваясь, хором зашептали:

– Credo in Deum, Patrem omnipotentem⁹...

Винченцо не интересовали изображения на стенах. Шагнув к плоскому алтарю, среди каменных обломков и человеческих костей он увидел то, что искал. На одном из лежавших на полу черных черепов была изрядно поврежденная, оплавленная золотая маска, в ее «щечки» намертво вьелась копоть. Да, король не будет разочарован.

Он протянул к маске руку, но ее цепко перехватила длань Гильермо.

– Не надо... – прошептал рыцарь, вращая глазами. – Не бери. Клянусь святой Девой, я всем сердцем чувствую – эта вещь проклята...

Винченцо дернулся, вырывая назад руку из его ладони.

– Да сколько можно? – с плохо скрываемым раздражением сказал он. – Что ты вообще за человек такой? Куда не зайди, всегда одно и то же – это у тебя проклято, то проклято. Степных сусликов еще не боишься? Именем короля я приказываю – отойди. Синьоры, подайте мне плащ.

...Хмурясь, Гильермо отодвинулся в сторону. Взяв материю, Винченцо обмотал ею маску и сильно потянул, отдирая от обгоревшей головы. Маска не поддавалась. Он уперся ногой в мраморную плиту на полу, и... Дальнейшее произошло буквально за секунду. Плита, словно в цирковом фокусе, встала на дыбы и перевернулась, в показавшемся темном проеме мгновенно исчез Винченцо вместе с маской и черным от копоти черепом. Кусок камня тут же встал на место, захлопнув хитроумную древнюю ловушку, словно ничего и не произошло. До рыцарей донесся короткий крик и шум падения тела. Затем все стихло.

Гильермо с облегчением вздохнул.

– Так я и думал, – сказал он замершим от страха рыцарям. – Знал я подобный случай в Аккре, на Святой Земле. Не надо было сразу лезть к золоту, как сделал этот идиот, – древние ставили «немых стражей» против грабителей. Даже придя в храм ночью и обманув охрану, вор рисковал жизнью – ловушки стояли на боевом взводе, как арбалет. Два моих друга погибли точно так же, пытаясь взять золотого божка, – на них обвалилась стена. Нам тут больше делать нечего. Пойдемте обратно.

Впечатленные смертью Винченцо рыцари были с ним полностью согласны. Однако один из них, русоволосый Гуго, запротестовал:

– Но как же король? Мы должны что-то принести ему отсюда... Ты ведь знаешь характер Карла... он решит, что мы сами убили Винченцо, а золото присвоили себе... и тогда мы окажемся в другом подземелье.

Гильермо потрянул головой – действительно, с Карлом шутки плохи.

⁹ «Верую в Господа, отца всемогущего» (лат.).

– Хорошо, – бросил он. – Король хочет новых древностей в свою коллекцию? Он их получит. Соберите вот это, только осторожно.

Он показал на разбросанные по полу вперемешку с костями плоские каменные таблички, где на гладкой поверхности были вырезаны непонятные письмена вместе с рисунками в виде рыб и сердец.

– Чем не сюрприз? Бьюсь об заклад, ни у одного из королей нет подобных сокровищ. И один из черепов тоже возьмите – вот этот, с полумесяцем на лбу, – добавил Гильермо, показывая в угол комнаты. – Такие вещи впечатляют. Да не тряситесь вы, – усмехнулся он, глядя на смятение рыцарей. – Ничего больше не случится, я же сказал – ловушки бывают только там, где находится золото. Этот урод в маске, кем бы он ни был, перед смертью специально встал на плиту с «секретом», чтобы впечатлить грабителей. И заberi меня Сатана, ему это удалось.

Прочищая носы от мраморной пыли, рыцари выбрались на поверхность – впереди шествовал Гильермо, держа перед собой большой сверток из мешковины. Барханы пустыни были озарены голубым лунным светом, в отдалении слышался вой десятка шакалов.

– Это место проклято, – привычно заключил Гильермо.

...Желающих возразить ему не нашлось.

Глава шестая

Король-сайгак

(21 февраля, понедельник, почти полдень)

Двухметровый, написанный маслом парадный портрет изображал государя императора в полный рост – при золотых эполетах, с голубой лентой ордена Андрея Первозванного через плечо, рука лежит на эфесе серебряной кавказской сабли, подаренной дагестанским эмиром. Взирая на людей с мягкой джокондовской улыбкой, император как бы лично наблюдал за каждым посетителем кабинета, выдержанного в модном китайском стиле: лаковые ширмы с вышитыми драконами непривычно смотрелись на фоне стандартных патриотических обоев с двуглавым орлом.

– Гешафтен¹⁰, у нас эфир через десять минут, – одетый в бархатный кафтан со спущенными на пол длинными рукавами первый продюсер Главного канала дрезденский барон Леопольд фон Браун не улыбался: его губы были плотно сжаты. – Дамы и господа, какие будут предложения? Текущая ситуация далека отординарной: нам надо восемь раз померить, а двадцать пять зарезать... именно так, кажется, говорится в одной русской поговорке.

Сидевшие вокруг стола редакторы программ не отреагировали на сделанную бароном ошибку: они пребывали в похоронном настроении. Многие знали Машу Колчак лично и еще не отошли от шока, вызванного смертью звезды гламура, поставившей взрывные скандалы на ТВ со скоростью конвейера. По настоятельному предложению министерства двора тему в новостях следовало озвучить мягко, но никто не знал, как именно.

– Леопольд Иоганнович, – подала голос молодая черноволосая редакторша Юля, последние пять лет усиленно делавшая карьеру телезвезды. – А может быть, обозначить – это убийство спланировано *определенными личностями* за границей для того, чтобы опорочить светлый имидж нашего государя?

– Фройляйн, не могу назвать мысль хорошей, – отреагировал фон Браун. – Северо-Американские Соединенные Штаты и подлый купец Платон Ивушкин у нас и без того виноваты во всех проблемах империи, включая плохую погоду и испорченную сантехнику. Когда в Тихвине у одной коллежской ассесорши в уборной трубу прорвало, тамошнее телевидение объяснило это событие атакой заговорщиков из Лондона, финансируемой Ивушкиным. Надо не просто поднимать идеи с пола, а креативить иногда.

Юля замолчала, сосредоточенно глядя в потолок, – на «пяточке» между люстрами нарисованный синими красками извивающийся чешуйчатый дракон заглатывал большое красное Солнце. Начальству нельзя противоречить на людях – это за время работы она усвоила твердо.

– От великого государя какой-нибудь комментарий ждать? – с ярко выраженным южным «хэ» спросила густо намазанная косметикой «Лореаль» деревенская простушка Аксинья, после окончания университета работавшая на Главном канале: она и Юля отчаянно интриговали друг против друга.

– Ага, – усмехнулся фон Браун. – Прямо как что, так сразу наш милый кайзер. Он каждую смерть в империи тебе должен комментировать? Дворник твой если помрет – может, тоже царю-батюшке среди ночи позвоним?

– ... Вот-вот, – поправив желтый галстук, поддакнул фаворит начальства, ведущий передачи Alles Schprechen Алексей Малахитов. – «Величество должны мы уберечь от всяческих ему ненужных встреч», как пелось в одном мультфильме. Если помните, «Бременских музыкантов» пришлось снять с трансляции: оказалось, там в невыгодном свете показан король –

¹⁰ Господа (нем.).

придурок в трясущемся парике, комично бегающий с яйцом в рюмочке. Жандармы сочли это прямой дискредитацией монархии и политическим заказом. Я было вякнул против, так мне шеф корпуса Антипов лично пообещал, что в следующий раз уже я с яйцом забегая – только не с куриным. Полиции и жандармам, знаете ли, юмор вообще неведом, они за царя порвут любого: это символ, при котором в империю стало притекать медовое бабло. Недаром все дупла и улы в стране объявлены достоянием государства.

Аксинья по-деревенски прыснула в кулак, представив выкрутасы Малахитова с яйцом, но тут же подавила приступ смеха. Поправив деловой сарафан, из выреза которого выглядывал край лифчика с поролоном, она взялась за авторучку, собравшись записывать приказания руководства.

– «Бременские музыканты» что, – махнул рукой фон Браун. – А когда «Король-олень» сняли с эфира? Я *им* говорю – это же классика! Так мне аж из канцелярии министерства двора позвонили, доннерветтер. Спрашивают: а нельзя ли переименовать как-нибудь? Я в ответ: каким образом? «Король-сайгак», что ли? Господа, вы даже не подозреваете, что я услышал... я даже не подозревал, что светлейший князь из рода Рюриковичей может знать такие заковыристые и, главное, многоступенчатые выражения...

– Да жандармам и фильм «Король-рыбак» не нравится, – вновь ожила Юля. – Получили анонс телепрограммы, помялись и спрашивают: а чего он ловит-то? Мелких каких-нибудь рыбешек или престижных акул и тунцов? Я объясняю, что мне неизвестно. Они отвечают: а нет ли фильма «Король – замечательный благодетель, батюшка и милостивец для всех нас, сырых и убогих»? Смеюсь: нету. Они мне серьезно: а зря, давно пора снимать.

Фон Браун хлопнул рукой по столу.

– Тары-бары-растабары, – мрачно заметил он. – И толку от нашего трепача? Мы на государственной службе и должны исполнять ее предписания. Вон как в Британии пресса распустилась! Полощет королеву, не приведи Господь, а уж фотографии эдакие ставит: как кронпринц Гарри в пьяном виде, весь в губной помаде из клуба вываливается и по асфальту ползет в состоянии нестояния. Престиж монархии в результате упал ниже плинтуса. Они нам благодарны должны быть по гроб жизни: мы их зажавшуюся Европу от большевиков спасли – да как же, от них дождешься. А то жили бы сейчас эти сучьи принцы при «товарищах», стояли в очередях да карточки на ржавую селедку отоваривали – совсем как в нищей Швейцарии. Давеча побывал в этом бывшем коммунистическом раю в командировке – это ужас, господа. Пиво, и то в уличных палатках разбавленное – вот до чего дошли!

Люди за столом замерли от ужаса. Кто-то непроизвольно перекрестился. Фон Браун, как образцовый лютеранин, немедленно последовал его примеру.

– Святым крестом клянусь, гешафтен, сам видел! – выпучив глаза, заявил он. – Вот сели бы у нас большевички-с в Кремле да Ленина своего в мавзолей поместили – узнала бы тогда эта гнилая Европа, почем пуд урюку.

Несмотря на дрезденское происхождение, фон Браун очень гордился знанием исконно русских пословиц. Поговаривали, будто он настолько большой патриот империи, что по праздникам в узком кругу семьи и гостей из высшего аристократического круга показательно хлебает лаптем щи. Хотя это и доставляло существенные неудобства, особенно долгое выковыривание капусты из носка лаптя. Политическое чутье у фон Брауна было превосходное – раньше Леопольд считался человеком Ивушкина, республиканцем и западником (особенно он обожал костюмы с «искрой» от Черрути). Но после коронации нового царя барон показал себя как преданнейший монархист и с тех пор не расставался со стилизованным боярским кафтаном лионского бархата, ношение которого сделалось модным в кругах высших чиновников. Шил он его конечно же тоже у Черрути.

– Короче говоря, – резюмировал барон, – пора нам закругляться, но пока я не услышал от вас, как подавать в эфире столь кошмарную новость. У нас задача – создание позитива, а тут

такие, позволю себе заметить, ужасы. Это определенно повлияет на рейтинг государя. Вы же знаете нашего обывателя – намотрится на мертвую девушку, и сразу в голове щелкает: «А куда царь-то смотрит?» Вот это и опасно, господа. Надо ставить плохое сообщение, а рядом сразу же позитивное, чтобы людей порадовать. Одной чернухой эфир забивать ни к чему. Скажем, для примера: первая новость идет, что произошло убийство, а вторая – завтра собираются снизить цены на водку.

– Я предлагаю следующее, – перехватила инициативу Юля. – Обычно мы начинаем новости с освещения рабочей поездки государя, где он высочайше посещает либо свинарник, либо подводную лодку. На этот раз придется поступить по-другому. Информлируем об убийстве Машеньки Колчак, а потом сразу же говорим, что подозреваемый задержан – парня-то ее, этого Иблана, арестовали. Таким образом, мы не только донесем до зрителя негативную инфу, но и вклиним в мозг положительную установку: да, убийства случаются, однако городские всегда начеку, так же, как приставы и околоточные. Кроме того, Диму Иблана в народе сильно не любят – этот захудалый дворянин в каждой бочке затычка, особенно после того, как с Зосимь на дуэли стрелялся. Покажем клуб поклонников хэви-метал: там толпа, узнав новость об аресте Иблана, пьет водку из горла и поет «Боже, царя храни». А далее скажем: неужели возможно, чтобы этот милый паренек оказался жестоким убийцей? После чего (*щелчок пальцами*) ударно запускаем клип Иблана «Я знаю точно, **невозможное возможно!**»

– Гениально, фройляйн, – восхитился фон Браун. – Объясните это сейчас в наушник ведущему, эфир начинается с минуты на минуту. Все свободны, а вы получаете премию 500 золотых. Учитесь, господа, как надо работать.

Народ дружно поднялся из-за стола. Гордая Юля, удостоившаяся публичной похвалы руководства, упорно старалась ни на кого не смотреть. Ей и так было понятно, что коллеги бросают на нее завистливые и даже злобные взгляды. В этом она не ошиблась – Аксинья с трудом удержалась, чтобы не плюнуть ей в спину. Надо же, опять эта стерва ее обошла – идет довольная, нос задрала, распальцовка такая – рядом не стой. И добро бы еще сама происходила из потомственных дворян – так нет, ее мать работала официанткой в какой-то провинциальной дыре, а Юля обрела дворянство после университета, как и сама Аксинья. Казалось бы – они обе из народа, должны держаться вместе, но ничего подобного. Это разным графьям жизнь малина: сразу при рождении и титул, и герб на тачке. А тут родись в далекой деревне, коровам хвосты покрути, навоз поубирай, пока выбьешься на столичное телевидение для того, чтобы потом всякие сучки тебе карьеру портили.

Закрыв стеклянную дверь «аквариума», предназначенного для курения, Аксинья прикурила тонкую и длинную сигарету с ментолом, нервно выпустив дым из побелевших ноздрей. В ее глазах стояли слезы злости.

Ничего. Они еще посчитаются.

Глава седьмая

Художник

(21 февраля, понедельник, поздний вечер)

Я не устаю искренне удивляться предсказуемости полицейских следователей. Ограниченные, зажатые в жестких рамках люди. Они обязательно идут по одному и тому же выверенному пути, опасаясь свернуть в сторону даже на сантиметр. Вот и сейчас (если верить телевидению) они определили меня как банального маньяка – слепого подражателя Джека Потрошителя. Как сказала телеведущая, я точно следую стилю знаменитого убийцы, копируя сцены преступлений, словно ксерокс. Эта фраза серьезно испортила мне настроение. Каждый мечтает войти в историю криминалистики под именем Кровавого кинжала или Ночной смерти, но никто не желает, чтобы журналисты прозвали его Зловещий ксерокс. Честное слово, был бы я настоящим маньяком – обязательно поймал бы эту тварь и развесил ее кишки на дереве, чтоб не оскорбляла почем зря порядочных людей. Весь день экран едва не лопается, с трудом вмещая толпу академиков, отставных приставов и прочих специалистов по криминалу или считающих себя таковыми. Все однозначно сошлись во мнении: в следующий раз я попросту обязан вскрыть очередной *ларец* лишь через восемь дней, дабы полностью соответствовать обстоятельствам второго убийства в Лондоне. Под конец новостей внизу экрана запустили бегущую строку с крупными желтыми буквами: «Полиция его императорского величества предостерегает милых дам от появления на центральных улицах в ночное время». Скажите, пожалуйста! Можно подумать, в районах типа Бутова ночью легко гулять с барышней под ручку.

А вот ни хрена подобного, дорогие академики и криминальные специалисты. Я – не то, что вы представляете своими убогими мозгами, а творец, свободный художник. Именно поэтому я не буду копировать Потрошителя по времени, а стану производить *процедуры* тогда, когда сам этого захочу. Сказал бы больше, да ни к чему вам это знать. Мне представляется, уже сегодня вечером филеры возьмут под негласную охрану московские элитные клубы – отраду для отпрысков купцов-миллионщиков, владеющих роскошными особняками на Трехрублевском шоссе. Где, как ни там, они могут часами понтоваться друг перед другом брюликами от внука Фаберже, сумочками от Виттона и дизайнерскими платьями, разлезающими на пухлых телесах купеческих дочек Меланий да Аграфен? О да, периодически в клубах появляются и утонченные представители аристократов, ведущих род от самого Рюрика... но они сидят тихо, считая каждую копейку, – дворянство в империи давным-давно обмелело, дочиста спустив отцовские имения в казино Монте-Карло. Купеческое же сословие еще в семидесятых разжирило на поставках меда в Европу и Австралию, а начавшийся через двадцать лет тотальный медовый бум и вовсе завалил его шальным баблом. Очумевшие от денег жирные купцы в новомодных ярко-красных боярских кафтанах, небрежно ковырявшие в зубах купюрой на курортах Баден-Бадена, шагнули в реальную жизнь из кухонных анекдотов. Vulgarі специально для русских клиентов начал выпускать самовары из чистого золота, продажи «бентли» и «роллс-ройсов» в империи зашкалили все возможные рейтинги, а один из медовых магнатов, коему принадлежали сибирские пасеки, даже приобрел отдельный реактивный самолет для своей любимой собачки – китайского мопса. Купцы пачками скупали дворянские титулы, и очень скоро на званных императорских балах в Кремле появились такие уникалы, как светлейший князь Мурыщенко и сиятельный граф Физдыгин, подметая дизайнерский паркет густопсовыми бородищами, они плясали «русского» под божественную музыку Штрауса.

Что поделаешь, такова специфика этой страны. Когда у русского человека вдруг появляются деньги и он не знает, куда их девать, результат один – новоявленный миллионер плавно начинает сходить с ума. Это как владелец Трехгорной мануфактуры Савва Морозов, поив-

ший лошадей шампанским в ресторанах и плативший барышне-гимназистке сто тысяч, чтобы та пробежалась голой по улице. Через десяток лет таких эскапад Савва пришел в свой дом, похожий на дворец багдадского халифа, взял браунинг и вышиб себе мозги со скуки – он уже не мог придумать, чем бы себя развлечь. Что касается меня, то я вполне равнодушен к деньгам и изображаю себя бедняком исключительно для вида. Мое главное богатство заключается вовсе не в акциях, драгоценных металлах или купюрах, а совсем в другом аспекте, его я предпочитаю не выпячивать. И могу с уверенностью сказать: многие из тех, кто сейчас гневно осуждает меня и ужасается моим поступкам, дорого дали бы за то, чтобы оказаться на моем месте... Сегодняшняя ночь пройдет спокойно, пускай и без сна. Я не стану выводить автомобиль из гаража и, обгоняя местных бомбил, с риском для жизни подъезжать к тротуару в желтой машине извозчика с номером, заляпанным грязью. Я предусмотрителен, поэтому обеспечил себе **запас**, совершив не один, а два выезда за прошлые вечер и ночь. Мой второй *ларец* столь же примечателен, как и первый, а может быть, даже и лучше. Сейчас темно, фонарь на улице, разбитый три дня назад, не зажжется. Самое время начинать *процедуру*. Жаль, нельзя провести все пять *процедур* в один день. Но таковы условия *финала* – *артефакты* должны обрести вволю лунного света. Только что я вышел из очередной медитации – мелкая холодная испарина покрыла живот, мускулы подрагивают от слабости, в ногах – электрические покалывания, в голове – полный сумбур. Я до сих пор не могу отойти от впечатлений, полученных в параллельном мире: в ушах звенит от рева и грохота. С удовольствием поспал бы пару часов, но пора идти за *ларцом*.

Надевать мешок на связанного человека – работа не из легких, но я с ней справился. Невзирая на слабость, я поднял неподвижное тело на руки, удивившись его легкости, – как хорошо, что звезды поп-музыки сидят на диете! Выйдя наружу, я зашагал к лестнице, ведущей в мое скромное жилище. Снег под ботинками хрустел, в звездном небе светила Луна.

Запрокинув голову вверх, я на секунду замер, любуясь огромным бледным шаром. Какая отличная сегодня погода. Можно сказать, повезло.

Глава восьмая

Мадам Сусликова-Загудович

(21 февраля, понедельник, очень поздний вечер – можно сказать, почти ночь)

Алиса фон Трахтенберг, вернувшись домой раньше Каледина, пребывала в отвратительном настроении. По дороге домой ей на мобильный позвонила верная подруга Варвара Нарышкина и по секрету сообщила: согласно надежным источникам в виде престарелой попадьи, живущей этажом выше, утром в прошлую пятницу соседка Нинка якобы случайно вышла вынести мусор. Наткнувшись на ожидающего лифт Каледина, эта 20-летняя стерва начала жеманиться и всяческими намеками обыгрывать тему – мол, Федор теперь «ничейный мужчичка». Подлец Каледин на заигрывания реагировал положительно – улыбался, делал комплименты относительно Нинкиного бюста и всего, что к нему прилагалось. Натурально сукин сын, импотент, мурло и свинская рожа – других слов нету... хотя, возможно, попозже и будут. Подумать только – при живой жене (пускай и бывшей): не успели развестись, как он по бабам побежал. Ох, верно мудрая мама говорила: не следует кровь портить, надо за своего родного немца замуж выходить, а не за русского. Но если трезво рассудить, какая она, к черту, немка? Даже родного языка в совершенстве не знает, хотя маму по детской привычке зовет «муттер». Тяжело жить вместе, однако национальный характер ни при чем: получали-то квартиру на двоих, обоим после развода уходить некуда. Теоретически можно разменять жилплощадь, но предлагали такие варианты, что лучше застрелиться: ехать либо в Бутово, либо в Выхино – это все равно что в Сибирь. Усадьба и флигель в Подмосковье, принадлежавшие ее баронскому роду, давно были проиграны в карты и переданы во владение своим же бывшим крепостным. Заезжала она в прошлом месяце на родовую усадьбу посмотреть, слезы навернулись – из нее владелец гостиницу с бассейном сделал, сдает номера заезжим туристам.

Судьба бывших помещиков и владельцев усадеб сложилась по-разному. Давеча приходил к ним сантехник унитаз чинить (Каледина-то разве заставишь), визитку дает – оказалось, тоже барон. Обедневшие графы работали извозчиками, разъезжая на желтых «маздах»; князья не брезговали открывать мелкие овощные лавки; камер-юнкеры, махнув рукой на титул, нанимались прорабами на стройки: а что поделаешь, жить-то надо. Слово «дворянин» уже не открывало все двери, как раньше: дворян стало как пельменей в пачке. Уже при династии Романовых личное дворянство давали тем, кто получил диплом обычного университета или дослужился до обер-офицерского звания. Уже к 1917 году половина «нового» имперского дворянства состояла из мещан либо мастеровых; сейчас же дворянский титул обретал любой купчишка, закончивший техникум. Ходили упорные слухи – низший чин в «Табели о рангах» вскоре будут присваивать даже выпускникам ПТУ. Стоит вспомнить сегодняшнее кошмарное утро в пробке на проспекте: в глазах рябило от свеженарисованных гербов на машинах. Пускай дворянство ничего не значит, но каждый желает присобачить на свою тачку его эмблему. Еще в начале XX века классик писал: «Любой полковник из мещан благоговееет перед дворянином и предел его мечтаний – жениться на обнищавшей аристократке». Что говорить... Новое жилье им купить не светит – цены на московскую недвижимость ужасно выросли.

Она только-только потянула через голову блузку, как дверь открылась, и в прихожую, громяхая облепленными снегом ботинками, зашел Каледин. Остановившись на пороге, он мельком оглядел ее с циничной ухмылочкой.

- Неплохо, но сиськи уже не те, что раньше, – заключил Федор.
- Отвернись, – гордо сказала Алиса, не делая, впрочем, попытки прикрыться.
- Чего я там не видел, – логично заявил Каледин и отворачиваться не стал.

Плюнув, она переделалась при нем, надела поверх трусиков и лифчика бухарский халат и демонстративно ушла на кухню. Каледин последовал за ней: покопошившись в холодильнике марки «SuperБоярин», он достал и с независимым видом начал открывать круглую банку балтийских шпрот.

– Шпроты сейчас покупать непатриотично, – съязвила Алиса. – Ты видел, что эти чухонцы с памятником Суворову сделали? Я твоему шефу настучу.

– Я объясню: купил их сугубо для того, чтобы плюнуть внутрь, а потом сразу же выбросить, – вывернулся Каледин. – Ты ж пока не видела, как я их ел. В любом случае из-за тебя я уже два месяца на консервах сижу. У меня скоро язва начнется. Хоть бы пожалела, змея немецкая.

– Змея? – вспыхнула румянцем разгневанная Алиса. – Раньше надо было думать! Ну-ка скажи мне: кто был инициатором нашего развода?

– Ты, – честно ответил Каледин, нажимая на консервный нож.

– Ну да, – поблекла Алиса. – Но ты меня вынудил к этому своей подлостью.

– Действительно, – согласился Каледин. – Требовать от женщины, чтобы она на седьмом году замужества наконец-то взяла твою фамилию, поскольку обещала это тебе перед свадьбой, – гнусная подлость и даже свинство.

– Мало ли чего я там обещала, – буркнула Алиса. – Для меня прекрасная фамилия моих баронских предков дорога как память. Ты просто не знаешь, что мне пришлось пережить в гимназии и какие интересные предложения я слышала на каждом шагу, когда в русский сленг внедрили слово «трахаться». Че б ты сказал, услышав по сто раз на дню вопли одноклассников: «Каледин, давай покаледимся»? Я не знаю, как у меня крыша не съехала, держалась из принципа: предки-рыцари мочили сарацинов, а я – в кусты? И после всего кошмара, который я за эту фамилию вынесла, ты еще хочешь, чтоб я вот так запросто от нее отказалась? Это глупость, равнозначная требованию к праху сожженного Джордано Бруно отречься от своих убеждений!

Алиса сама не заметила, что она расхаживает по кухне, активно жестикулируя, отчего развязался поясok ее халата. Впрочем, в пылу дискуссии она не желала обращать внимания на подобные мелочи.

– Не хочу, – сбавил обороты Каледин, смущенный ее напором, а также зрелищем, которое открыл ему распахнувшийся халат. – Но могла бы двойную взять в таком-то случае... типа Трахтенберг-Каледина, например.

– Лучше сразу сдохнуть, – перекосилась Алиса. – Подумать только – Трахтенберг-Каледина! Да это все равно, что Сусликова-Загудович.

– Иди в жопу, – скис Каледин, отправляя в рот рыбку из банки.

– С тобой я и так в ней постоянно нахожусь, – огрызнулась Алиса. – Ага, ты все-таки съел одну шпротину, я это видела! Непременно донесу начальству.

На секунду разговор прервался, ибо Каледин аппетитно жевал.

– Да на здоровье, Господи Иисусе, – облизнул он пальцы, испачканные в янтарном масле. – Сама прекрасно знаешь – никому ты не донесешь.

Алиса вздохнула и села на табурет. Что-то шевельнулось у нее в душе при виде несчастного Каледина, после рабочего дня с трагическим видом жующего холодные консервы. В этот момент она была готова простить ему даже Нинку. Вернее сказать, почти готова. Еще минуты две в ее груди черный дракон обиды боролся с белым ангелом прощения, после чего ангел, лихо вывернувшись, засадил зазевавшемуся дракону копьё по самое извините.

– Тебе приготовить что-нибудь, Феденька? – тихо спросила она.

– А то, – отозвался Каледин, не отрываясь от наполовину уничтоженных шпрот. – Водка есть? Ну так давай налей стопочку, чего смотришь.

...Через сорок минут оба, сидя за деревянным столом, культурно поедали зажаренные Алисой венские шницели, макая их в домашний соус тартар. Талант готовить Алиса унаследовала от муттер. После продажи беспутным дедушкой фамильной усадьбы та пошла работать

посудомойкой в баварский ресторан на Пресне и дослужилась до высокооплачиваемого шеф-повара. Так или иначе, но шницели получились – язык проглотишь. Каледин, во всяком случае, свой в процессе откусывания свинины успел прикусить.

– Ты что думаешь по этому поводу? – спросила Алиса, отчаянно жуя мясо.

– Чего? А, убийства, что ли? – хлопнул глазами Каледин. – Ну, благодаря твоим мерзким интригам меня назначили ответственным за это расследование, можешь поздравить. Зато я успел проделать кой-какую работу. Конечно, любовника Колчак арестовали совершенно зря – у него безупречное алиби: после ссоры он ушел в другой ночной клуб, где квасил до утра. Удалось лишь выяснить – Колчак, будучи в изрядном подпитии, села в машину к извозчику и укатила в голубую даль. Номера автомобиля, как полагается, никто не запомнил. На всякий случай выборочно проверяем извозчицки парковки. К вечеру позвонил министр двора Шкуро, ненавязчиво интересовался, как у нас успехи. Деликатно напомнил – его величество настроен весьма решительно, и если что – **кто-то** точно поедет на Камчатку.

– На Камчатке тебе понравится, – подколола Алиса, накалывая на вилку кусок и обмакивая его в соус. – Там, говорят, плевков на лету замерзает. Будешь снег убирать, моржатику к сезону вялить, на собачках ездить в кухлянке и унтах. Имей в виду, я не декабристка, с тобой туда не поеду.

– А ты мне там на фиг не сдалась, – спокойно ответил Каледин, промежду делом уничтожая свинину. – Вон, князя Куракина после отставки из МВД в Сибирь отправили, и чего? Шлет мне оттуда мэйлы с фотографиями: живет человек как настоящий эмир – целый гарем себе завел из чукоток и камчадалок. Жалуется, горячие девчонки на местном льду вымотали всего как мочалку. Если я на Камчатке обоснуюсь, при таком раскладе мне будет явно не до тебя. Туземных девок одиноких да желающих кругом столько – и минутки единой не выкроишь, дабы как следует моржа подвялить.

Прервавшись, Каледин профессионально уклонился вправо от брошенной в него вилки. Подождал еще немного и сделал резкий бросок в левую сторону – в стену полетела фаянсовая тарелка, лопнув осколками.

– Может, я туда еще и Нинку с Анфисой с собой заберу, – заметил он глубокомысленно. – Ты же все равно не поедешь, ибо не декабристка, а девкам чего зря пропадать? Женщины из народа – они в постельке ого-го какие, прямо ураган, а не то что всякие остзейские немки замороженные.

Соседи по лестничной клетке с удивлением и испугом вслушивались в ужасный грохот мебели и звон посуды, которыми наполнился их панельный дом.

Глава девятая

Сюзанна Виски

(22 февраля, вторник, рассвет)

Алиса пришла в себя от непонятной тряски, словно спала на полке в поезде: ее отчаянно теребил за плечи Каледин, насильно вырывая из объятий вязкого сна. Ничего толком не понимая, она отстранила его руку, натягивая шерстяное одеяло по самый подбородок, поскольку, не изменяя аристократическим привычкам, обычно спала совершенно голая.

– Чего привязался? – сонно простионала она. – Отвали, тебе никто не даст.

Столь жестокое заявление было вызвано тем, что иной причины появления экс-мужа в сумраке ее спальни Алиса представить не могла. Однако, вопреки своему обыкновению, Каледин не ответил в стиле: «Да кому ты нужна, побрей сначала ноги». Напротив, голос его звучал пугающе серьезно.

– Вставай быстрее. Звонил Муравьев – обнаружили второй труп, на этот раз на Тверском бульваре. Девица разделана, как на бойне, страшно смотреть.

Пожалуй, с такой скоростью Алиса в последний раз одевалась, когда из-за бурного девичника с шампанским проспала собственную свадьбу. Навыки не пропали зря – оба пулей вылетели из подъезда, наперегонки побежав к общей темно-синей «тойоте». Каледин выматерился, защемяв пальцы дверью, однако дальше события развивались благоприятно: несмотря на собачий холод, машина завелась сразу. Автомобилей на трассе было мало. Алиса тяжело зевнула, спрятав озябшие ладони в пушистую ондатровую муфту, – в моду постепенно входил стиль начала XX века.

– Что конкретно он тебе сказал? – с трудом раскрыла она рот.

– Почти ничего, – Каледин гнал машину как сумасшедший. – Дворник нашел тело. Выпотрошена, как и первый экземпляр. На вид совсем молодая девка. В подворотне, рядом с ночным рестораном. Опять ни капли крови, внутренности разложены ровным кругом. Дворник блюет до сих пор.

– Приятно, – Алиса вспомнила, что забыла накраситься. Раскрыв сумочку, она вытащила из косметички губную помаду. Старательно вытянув губы неровной буквой «о», она начала подводить их розово-перламутровым цветом.

– Это просто кранты, – брезгливо дернулся Каледин. – Едем на порезанный труп смотреть, так тебе и тут надо марафет навести. Можно подумать, все пришли на тебя пялиться и зрелища ненакрашенных губ не переживут. Господи, какое счастье, что я не родился бабой. Реально тихий ужас.

– Ну да, – озлилась Алиса, едва не сломав помаду. – Естественно, являться к мертвому телу с «бычком» в зубах, водочным перегаром и пятидневной щетиной абсолютно нормально. А вот накрасить губы – катастрофа. Женщина, между прочим, даже на похоронах должна выглядеть отлично.

– Чтобы у покойника на нее встал? – осведомился Каледин, бросая машину на левый поворот. – Мне непонятно, на фига рожу штукатурить, если предстоит свидание с мертвой девицей, порезанной на куски. Там же и фотографии могут быть, запросто. Ты думаешь, несчастным родственникам усопшей будет приятно увидеть в газете фото с чокнутым краснощеким клоуном?

Алиса рывком расстегнула сумочку, бросив туда цилиндрик с помадой.

– Доволен, козел? – прошипела она. – Искренне надеюсь – когда-нибудь утром я поеду опознавать твой труп, разрубленный на двенадцать частей.

– Только не пользуйся косметикой, умоляю тебя, – усмехнулся Каледин, сворачивая к Белорусскому вокзалу. – При виде столь дико раскрашенного существа любой человек от ужаса восстанет из мертвых. Знаешь, когда мы с тобой ээээ... *спали*, – это слово Каледин произнес особенно смачно, – то у меня всегда наличествовало ощущение, что по вечерам я ложусь в постель не с женщиной, а с вождем индейцев сиу по имени Сидящий Бык.

Алиса задохнулась от ненависти, но ответить не успела. «Тойота» подрулила к белому домику рядом с рестораном «Пугачевъ» на Тверском бульваре, несмотря на ранний час, там уже толпились любопытные, сдерживаемые шеренгой суровых городских. Захлопнув двери авто, бывшие супруги предъявили полицейским служебные удостоверения и прошли за оцепление к самому ресторану. Тайный советник Антипов, заметив их, хмуро поздоровался, без улыбки и привычных каламбуров автоматически поцеловал Алисе руку. Было заметно, глава Отдельного корпуса жандармов сам спал не больше часа.

– Да-с, голубушка, как говорил классик: вот не было заботы, так подай, – пробурчал он, вертя в пальцах пачку «Мальборо». – Второй труп за два дня. И градоначальник, и государь еще знать не знают. А когда им доложат...

Жандарм тяжело и горестно вздохнул, на его обрюзгшем лице читалось: ехать вице-губернатором на Камчатку либо полномочным послом в Исландию из мигающей огнями Москвы ему категорически не хотелось.

Каледин между тем протиснулся к телу – возле освещенного лампами трупа меланхолично работали медэксперт и хорошо знакомый ему полицейский фотограф Терентий Лемешев. Тиснув фотографу руку, Федор протер слипающиеся глаза, рассматривая покойницу. Все, как вчера. Горло перерезано с правой стороны вплоть до шейных позвонков, грудь отсечена и разрезана пополам: замерзшая половинка плоти вложена в левую руку жертвы. На белом лбу замерз сгусток крови – в нем угадывался кусочек сердечной мышцы. Впрочем, есть и отступления от сценария. Живот вспорот и кишки завязаны изящным бантом, ни дать ни взять – подарок, преподнесенный на семейное торжество, желудок и легкие разложены рядом на льду. «Чего-то не хватает», – промелькнуло в голове у Каледина. Бросив взгляд на торчащие из груди обломки ребер, он понял – маньяк прихватил в качестве *сувенира* сердце. Федор внимательно взгляделся в спокойное, как у первой жертвы, мертвое лицо – ресницы засыпало снегом, белки глаз покрылись тончайшими льдинками... Боже мой! Да, вот теперь Антипов точно попал. Здесь ему даже не Камчатка грозит, а Полярный круг.

Алиса и сама еле устояла на ногах, увидев изуродованный труп бывшей солистки группы «ЗимаЛетто» Сюзанны Виски (говорили, это творческий псевдоним, а настоящее имя звезды – Прасковья Сухохренова). В июне император пожаловал Виски титул камер-фрейлины; ей нельзя стало и шагу из дома ступить, чтобы не попасть под вспышки фотокамер прессы. Сюзанна была нарасхват – за выступление на корпоративе она получала 50 тысяч золотых, причем чаще всего певицу с великолепным бюстом купцы просили не петь, а просто ходить туда-сюда. Где же убийца смог ее отловить?

Подпоручика Волина шатало. Отойдя в сторону, он приложил ко рту платок. Упасть в обморок рядом с начальством офицеру никак нельзя – чувствительно для карьеры. Бедняга был не в силах оторвать глаз от окровавленного живота – в пупок вмерзло серебряное кольцо пирсинга с покрытыми легким инеем стразами. Внезапно зрачки ослепил яркий белый свет, и он инстинктивно заслонился рукой. Вспышка щелкнула еще раз.

– Только прессы нам не хватало! Откуда взялась эта дура? – на всю улицу заорал Антипов и замахал перчаткой, призывая полицейского из оцепления. – Господа, чего вы разинулись? Выведите барышню к чертовой матери!

Мордатый городской закрыл объектив фотоаппарата всей пятерней, а другой рукой буквально выдрал его из пальцев черноволосой девушки: на ее высокой груди красовался бэйджик

с эмблемой Главного канала. Кожанный ремень от камеры, в который мертвой хваткой вцепилась девица, лопнул.

– Саграп! – взвизгнула редакторша Юля, делая безуспешные попытки вернуть фотоаппарат. – Не имеете права... это эксклюзив... в утренний выпуск... Отдай технику сейчас же, держиморда!

Вытащив флэш-карту, городской с усмешкой кинул ей камеру. Вне себя от бешенства, Юля схватилась за карандаш, записывая номер его бляхи.

– Это тебе даром не пройдет, – мстительно пообещала она и, скользя по обледеневшему тротуару, быстро зашагала в сторону своей машины.

Алиса присела на корточки возле трупa, фиксируя в блокноте детали. Ручку то и дело приходилось отогревать дыханием – мороз под двадцать пять, ну и погода, а еще говорят про глобальное потепление. Она заранее знала – убийца вырежет сердце. Но еще вчера, исследуя фрагменты зловещей картины, «нарисованной» маньяком на теле Колчак, Алиса была уверена – тот будет подражать своему кумиру в ювелирных мелочах. Не тут-то было – промежуток между убийствами не произошло. Этот парень убивает, когда захочет, возможно, специально, чтобы запутать следы. Кто знает – может, у него уже подготовлены и все следующие трупы, после чего ему остается лишь живописно раскладывать их на улицах.

– Мадам, – рядом с ней, вертя в руках служебный мобильник с золотым орлом на крышке, остановился прямой начальник Каледина – директор департамента полиции, тайный советник Арсений Муравьев. Высокий и худощавый, он забавно смотрелся рядом с Антиповым – живая иллюстрация к рассказу Чехова «Толстый и тонкий». – Если не сложно, я хотел бы нижайше попросить вас проследовать вон в тот лимузин. И я, и другие господа желают пообщаться с вами относительно персоны маньяка.

Черный лимузин с мигалкой на крыше не мог пожаловаться на размеры (похоже, он принадлежал главному жандарму Антипову), поэтому туда влезли все. Сам Антипов, Муравьев, Волин, еще трое полицейских чинов, ну и, конечно, Каледин – хотя ему в приличной компании, с точки зрения Алисы, вообще делать нечего. Расположившись на кожаном сиденье и приняв из рук водителя чашку горячего чая, Муравьев галантно подал ей дымящийся напиток. Алиса лишь слегка пригубила, но все равно умудрилась обжечь язык.

– Мадам, – с поклоном продолжил Муравьев. – Насколько мне известно, вчера вы сделали правильный вывод – наш доморощенный убийца просто идеальный подражатель лондонского Джека Потрошителя. Так вот, совершенно уже второе убийство за два дня. Мы мечтаем подробно расспросить вас о Потрошителе, чтобы попробовать предугадать дальнейшее поведение маньяка... Сколько же всего трупов числится на его совести?

– Официально установлено – Потрошитель убил пять человек, – проямлила Алиса, испытывая жуткую боль в языке. – Каноническими жертвами считаются проститутки разного возраста: Мэри Эн Никлз, Энни Чепмен, Элизабет Страйд, Кэтрин Эддоус, Мэри Джанет Келли, они погибли в период с 31 августа по 9 ноября 1888 года в лондонском районе Ист-Энд. Все убийства происходили ночью на улицах квартала Уайтчепел. Тело Келли нашли не на улице, а в комнате, которую она снимала: маньяк влез через окно. Из трупa каждой жертвы убийца обязательно вырезал *сувенир* и уносил его с собой. Надкушенную левую почку одной из убитых женщин он прислал в полицию с письмом: «Искренне ваш Джек Потрошитель». Послание было написано кровью, корявым языком, с кучей ошибок.

– Пять человек? – заржал согревшийся гусарской порцией чая с коньяком и осмелевший от этого Волин. – Подумать только! И этот тип считается одним из самых страшных серийных убийц в истории человечества? Да по сравнению с нынешними монстрами – просто младенец. Если б он подошел к Чикатило, тот бы ему дал петушка на палочке и сказал: «Иди, деточка, с сачком бабочек ловить, тут взрослые дяди делами занимаются».

На Волине остановилось сразу несколько неодобрительных взглядов, поняв, что сморозил глупость, тот замолчал и растерянно улыбнулся.

– Тут следует понимать следующее, Сашенька, – возразила Алиса. – В действительности Потрошитель мог убить намного больше людей. Например, лондонский следователь Эбберлайн прибавлял к этому списку и проститутку Марту Тэбрем, а всего так в британской столице той осенью погибли двенадцать человек. Жестокие убийцы существовали и до Джека, но этот человек потряс всех именно отсутствием выраженных мотивов. Он просто убивал женщин, вырезал им внутренности и выкладывал их в странной последовательности. Он не насиловал девушек и не мучил их перед смертью: все жертвы до «разделки» были задушены, либо им сломали позвонки. Похоже, для него убийства – обыденная работа, он делает это, потому что по какой-то причине **должен делать**. Самое страшное: Потрошителя так и не поймали – он исчез, прекратил убивать неизвестно почему. Ты слышал, что вчера сказал врач в морге? Даже опытный доктор не смог бы извлечь органы из трупа менее чем за полчаса. А наш друг сделал это за пятнадцать минут – в точности, как реальный Потрошитель. Мы обыскиваем машины извозчиков, но нужно приниматься и за проверку хирургов. Такие подозрения существовали и относительно личности настоящего Джека Потрошителя: он был очевидным профессионалом в том, что касается человеческой анатомии.

– Да, но если я не ошибаюсь, мадам, вы сказали: Потрошитель прислал в английскую полицию письмо, написанное с грамматическими ошибками, – хмуро заметил Муравьев. – Как-то это не вяжется с образованным доктором.

– Конечно, ваше высокопревосходительство, – кивнула Алиса, отпив остывшего чая. – Только здесь существует один нюанс – по предположению большинства независимых исследователей, Потрошитель намеренно «косил» под простолюдина, человека из народа, чтобы запутать расследование. И весьма удачно «косил» – ведь его, напомним, так и не поймали...

В кармане у Муравьева запиликал телефон. Глянув на дисплей, он без объяснений выбрался из лимузина. Каледин уже знал, если директор департамента соизволил подняться, то звонок важный – с начальством принято говорить стоя. Проведя краткую беседу, Муравьев вернулся назад.

– Звонил Шкуро, – сообщил он, не глядя на коллег. – Его величество уже в курсе второго убийства. Меня вызывают во дворец и вас, – он тронул рукав шефа Отдельного корпуса жандармов, – тоже, милостивый государь. Чувствую, беседа предстоит жесткая. Господин Каледин, у вас есть час свободного времени, когда мы вернемся из Кремля, то устроим совместное закрытое совещание. У нас есть маленькая подвижка – на щеке второй жертвы эксперты обнаружили что-то похожее по составу на микроскопическую каплю слюны. Хотя возможно, это всего лишь вода. Надеюсь, в ближайшие часы мы получим результаты анализа ДНК.

Все, кроме Антипова и Муравьева, вылезли из лимузина. Послышался рев мотора, и машина сорвалась с места. Городовые в оцеплении взяли под козырек, положив руки на эфесы сабель.

– Пошли завтракать, что ль, – зевнул Каледин и посмотрел на часы.

– Ты извращенец, – обомлела Алиса. – Как и все мужики, впрочем. Даже у трупа девушки ты только и думаешь поскорее бы набить себе брюхо.

Каледин охотно кивнул головой. Алиса взяла его под руку.

– Поедем в китайский ресторан? – спросила она, не меняя тона.

– В китайский, – согласился Каледин. – С этими маньяками помрешь с голодухи. Хорошо, что ты не предложила японский. Суши – говно.

– Сам ты говно, – огрызнулась Алиса. – Стильная здоровая еда, никаких вредных жиров и углеводов. Люди после такого питания до ста лет живут.

– Если так рассуждать, то коты должны быть патриархами, – заметил Каледин. – Наш же сдох через три года: сырая рыба его прикончила.

– Он сдох от того, что ты оставил его в запертой квартире, когда на месяц уехал в командировку, – поправила меховую шапку Алиса. – Фашизоид.

– Виноват, – сознался Каледин. – Но думается, он сам покончил жизнь самоубийством, когда понял – ему предстоит всю жизнь есть только сырую рыбу. По крайней мере, я бы на его месте сделал то же самое.

Парочка удалилась в направлении «тойоты». Поручик Волин поднял воротник, защищаясь от ледяного ветра, и тоскливо поглядел им вслед. У дома напротив рабочие, игнорируя скопление городских, клеили на биллборд рекламу нового молодежного движения. На плакате тинейджер в бейсболке держал в левой руке косяк с марихуаной, а большим пальцем правой салютовал вверх. На плакате надпись аршинными буквами гласила: «Пипламъ respect и ува- жуха! Планъ царя-батюшки жжоть, баклань!»

Глава десятая

Мертвый сезон

(22 февраля, вторник, утро)

Отвинтив пробку с бутылки «Голд лейбл», я сделал жадный глоток. Сорокаградусное виски, выплеснувшись горячей струей, обожгло пищевод до самого желудка – я явственно почувствовал аромат дубовой бочки, исходящий от благословенного напитка. Блаженно высунув язык, я слизнул янтарную каплю, столь завлекательно повисшую на узком горлышке.

Чертовски хочется проглотить еще граммов сто, но, увы, я не могу себе этого позволить. Вечером опять садиться за руль – пусть в крови останется поменьше алкоголя. Вдруг машину остановит дорожный городской с дозиметром, их вокруг развелось как собак: не хочется, чтобы отлично продуманная операция вдруг сорвалась из-за непредвиденной мелочи.

Отставив бутылку в сторону, я облизнулся, собирая остатки влаги вокруг губ. Итак, мне нужно еще три *артефакта* – собрав их, можно со спокойной душой приступить к *финалу*. Признаться – руки так и чешутся. Вчера вечером я выкупил в турагентстве забронированную путевку в Таиланд – все прошло без сучка и задоринки. Рождество кончилось, пасхальные каникулы еще не начались, на дворе ледяной февраль – «мертвый сезон». Я должен буду улететь 31 февраля – странная дата, не правда ли? Но в этой стране все довольно странно. Еще не так давно здешний февраль считался самым коротким месяцем в году, в нем насчитывалось всего-то 28 дней. Ситуация в корне изменилась после августовской железнодорожной катастрофы, когда у всех лопнуло терпение: каждый год в этом месяце и самолеты падают, и метро взрывается, и лодки тонут. Особым императорским указом август был навечно вычеркнут из календаря. В году стало ровно 11 месяцев, а «бесхозные» августовские дни распределили поровну, таким образом в феврале появилось трое лишних суток. Произошла официальная замена титула государя – из «августейшего» его постановили именовать «сентябрейшим». Но я не против – 31 февраля так 31 февраля. А пока дела прежде всего. Часов в восемь вечера я выйду на ночную охоту – забирать необходимый для *процедуры* третий *ларец*. Правда, придется сменить стратегию – переулки заполнены господами в штатском, со стальным взглядом и оттопыренными карманами. Но туда я идти и не собираюсь...

Кинув в рот пластинку жвачки, я задвигал челюстями – по деснам разливался пластмассовый вкус арбуза. Надо отбить запах «лейбла» ну и поспать хотя бы часок. Скоро встать на работу, а я бодрствовал практически всю ночь, священнодействуя с *ларцом*. Разделка проходила как обычно, но вот с дополнениями в виде банта на животе пришлось повозиться. Мой путь был многоступенчатым и трудным, и его устлала отнюдь не роза. Очень может быть, что любой другой человек на моем месте бросил бы эту затею еще на начальной стадии – даже зная, какой сногшибательный приз положен в *финале*. Печально одно: каждый *период* проходил слишком быстро, только вздохнешь полной грудью, как все – надо опять собирать *артефакты*, искать подходящие *ларцы*. Маскировать *процедуры* под работу банального убийцы-маньяка – отличная идея: по всему миру кишмя кишат эти моральные уроды. Нет, я абсолютно не такой, не следует нас даже и сравнивать. Я сразу избавляю *экземпляр* от страданий, тот фактически не чувствует боли, жаль, что приходится пугать их перед смертью. Но ничего не поделаешь – в *бальзаме* должно содержаться достаточно адреналина для насыщения энергией перед встречей с Луной.

С третьим *ларцом* в принципе все ясно. Профессионалы похищений уверены – легко совершить киднэппинг в безлюдном месте. Но при этом никто не добавляет – при большом скоплении народа на тусовке это сделать еще легче. Каждый увлечен только собой и не смотрит на других. Поднявшись, я подошел к зеркалу, с откровенным удовольствием глянул на чудес-

ное отражение: худощавое, мускулистое тело без грамма жира, одним своим видом вызывающее судороги экстаза у противоположного пола. Настоящее произведение искусства, не правда ли? Если бы я захотел, вполне бы мог зарабатывать себе на жизнь, будучи моделью для художников. Никакого отвисшего живота, ни капли жира, ни единого волоса – настоящий красавец. Откинувшись назад, я нежно положил себе руки на бедра, погладив их. Ух, симпатяжка... Ну-ну, хватит нарциссизма. Пора спать.

Я привычно забылся сном прямо на полу, растянувшись рядом со штрихами голубого мелка, подложив под голову руку. Мгновенно провалившись в дрему, я увидел красочный сон. Я сижу, совершенно голый, поджав под себя ноги, положив руки на колени ладонями вверх – на тибетский манер. Мое тело заливают бледный лунный свет. Внезапно сверху, откуда-то из самых глубин черных небес, сначала капает, потом спускается тягучими нитями, а затем и просто потоками льется пахучий *бальзам*, заливая мою бархатистую кожу, преображая ее на глазах. Подставляя лицо под струи, я стараюсь изо всех сил сохранять спокойствие, как положено здравомыслящему человеку, но в определенный момент удовольствие от происходящего достигает пика и рассудок покидает меня. Я падаю навзничь – красные брызги, словно в замедленной съемке, устремляются к Луне. Мое тело извивается в *бальзаме* – я барахтаюсь и визжу, словно ребенок, бью ладонями по красным волнам, поднимаю тучи брызг. *Бальзам* заливал мне рот, глаза и волосы, я упиваюсь и наслаждаюсь им, как кот валерьянкой. Кожа начинает слезать с моих рук, обнажая мускулы, я сам становлюсь красного цвета, сливаясь в единое целое с *бальзамом*. Пространство вокруг заполнено им, как океаном, я ныряю с головой, чувствуя на губах соленый вкус, и, проплыв с десятков метров, выныриваю, хватая ртом воздух. Мой жалкий остов из сухожилий и мяса затягивается новой, полупрозрачной кожей – поначалу уродливой, с цыплячьими пупырышками, но с каждой секундой она теряет свою непривлекательность. Я плачу от радости, благодарно целуя отражение Луны, я знаю, что отныне жестокое светило благосклонно ко мне как никогда...

Будильник на мобильном телефоне зазвонил задорной мексиканской мелодией, я поднял голову с пола и сразу же обнял ее руками: мозг казался свинцовым от недосыпа. Ничего. Сейчас я сварю арабский вариант утреннего кофе из зеленых зерен и приду в себя – это подхлестывает не хуже бича. Голова должна быть полностью свежей – ведь я еду на совещание к Большому Начальнику. Буду слушать и кивать с умным видом. С хрустом потянувшись, я одним прыжком вскочил на ноги и отправился на кухню. Если поспешу, успею даже поджарить яичницу. Заглянув в холодильник, я умилился – мои пальцы прикоснулись к хрустальной конфетнице, внутри которой покоился свеженький *артефакт*, хранящий следы зубов. С этим *артефактом* всегда много возни, слишком уж он здоровый, но зато один из самых важных. Перед уходом я возложу его поверх голубых линий, и он, впитавший сок Луны, сможет вобрать в себя чуточку энергии Солнца: так опытная хозяйка сначала поджаривает одну сторону вырезки, а потом, когда та подрумянилась, переворачивает ее на другую. На Луне *артефакт* уже достаточно «подрумянился». Выбрав три самых крупных куриных яйца, я закрыл холодильник и взял в руки сковороду с тефлоновым покрытием.

Рядом с холодильником, на специальной подставке, прикрепленной к стене кухни, в импровизированных тисках был зажат большой нож с черной рукоятью – в центре блеснул пустыми глазницами серебряный череп. Широкое лезвие было снабжено обширным кровостопком – на его поверхности виднелись засохшие разводы. Весь клинок, кроме основания, принял рыжий цвет, к кончику прилипли отрезанные женские волосы. На лезвии красовалась гравированная готическими буквами надпись – BLUT UND EHRE¹¹.

Из свежего номера газеты «Скандалная Империя»

¹¹ Кровь и честь (нем.).

«По сообщениям из кулуаров отечественной телекухни, в последнее время наблюдается значительный подъем популярности имперских телесериалов. Один из самых успешных – „Счастливы сразу“ о семье губернского секретаря Бухина. Сей отрок, бросив карьеру правоведа, ушел работать в обувную лавку и преуспел в торговле дизайнерскими лаптями. Критики спорят: дескать, продавец лаптей не может жить в двухэтажной квартире, а также подковывать лошадей чистым серебром, называя показываемое „сюрреализмом“. А вот канал ТНБ „разогрелся“ на криминальном сериале „Понты: улицы забитых королей“ – про полицию периода великой депрессии, эру грозных грабителей банков и ее сражения с крутыми гангстерами из мафиозных семейств Сталина и Волошилова. Культовую известность получил и другой сериал – „Три гада“, где консультантом выступил один из крестных отцов имперской мафии – авторитетный купец дон Биганов. В ближайшее время, как предрекают эксперты, успех ожидает женский сериал – имперский ремейк Sex and the city – „Мольер вам не Бальзак, или Все бабы ду...“

Секс-скандал: за съемки в обнаженном виде для эротического журнала «Голые Дворянки» артистка Жанна Метле была лишена наследства ее консервативным отцом – старым бароном Метле. Тем не менее этот журнал остается одним из самых популярных в империи: недавно в качестве «Дворянки месяца» на развороте снялась графиня Василиса Разумовская, продемонстрировав бюст пятого размера. Клон журнала, еженедельник «Голые Крестьянки», не пользуется таким успехом, видимо, из-за того, что обнаженная женщина выглядит лучше в интерьере усадьбы, нежели в обнимку с коровой. По этой причине в прокате провалился блокбастер «Кот Апокалипсиса» с незнатной актрисой Анитой Завокишюк, происходящей из семьи намибийских поселенцев. Картине не помог даже частый ракурс голых ягодич Аниты – всего девушка продемонстрировала их на протяжении фильма 814 раз. Коммерческий провал, впрочем, не расстроил Аниту – она возвращается к сериалу «Красавица-гувернантка» про консервативную деревенскую девушку из алтайских староверов, которая работает бонной в семье пожилого, но сексуально озабоченного князя Лысозубского-Остермана.

Согласно новой информации из Вашингтона, президент Северо-Американских Соединенных Штатов Джордж Буш подавился баранкой, упал на стол и потерял сознание, получив гематому под глазом. Врачи уже запретили ему употреблять любой вид мучных изделий после серии трагических случаев – Буш давился крендельком, калачиком, булочкой, печеньем, яблочным пирогом, тортом, колечком с творогом и лавашом. Аналогичный запрет касается и транспортных средств: за последние 8 лет глава САСШ падал с самоката, велосипеда, мотоцикла, скейтборда, роликов, шотландского пони и эскимосской ездовой собаки. Доктора Белого дома настоятельно рекомендовали президенту Джорджу Бушу совершать путешествия лежа, находясь на нижней полке поезда.

Между тем переговоры по возвращению штата Аляска в лоно Российской империи вновь зашли в тупик. Испытывая недостаток стратегических запасов меда, американская администрация готова уступить Аляску в обмен на аренду трех пасек в Сибири. Однако министр финансов империи барон фон Курнир настаивает: Россия примет слаборазвитых эскимосов обратно лишь за цену продажи Аляски от 30 марта 1867 года – 7 миллионов 200 тысяч долларов.

Эта сумма теперь равняется средней стоимости двухкомнатной квартиры на окраине Москвы. Следует отметить, печальный инцидент с баранкой произошел после того, как Джорджу Бушу перевели это предложение».

Глава одиннадцатая

*Please, Don't Go*¹²

(22 февраля, вторник, то же утро)

Около сотни людей стояли в темной комнате – мрак был разбавлен небольшим количеством горящих восковых свечей, тени колыхались на гордых и решительных лицах. Четыре окна были заколочены наглухо, сверху на их поверхность накинули непроницаемую ткань. Отважно глядя прямо перед собой, положив правую руку на сердце, революционеры пели хором:

Порой изнывали вы в тюрьмах сырых,
Свой суд беспощадный над вами
Враги-палачи уж давно изрекли,
И шли вы, гремя кандалами.

Пение кончилось, полутьма взорвалась аплодисментами. После оваций присутствующие стали рассаживаться по стульям. За длинным столом, накрытым красной материей, сидели пять человек в старомодных пенсне, их пиджаки украшали шелковые галстуки с бриллиантовыми булавками.

– Совещание общества «Другая Империя» прошу считать открытым, камрады, – прошептал один из сопредседателей движения, революционер Генри Гасанов. – Ввиду происходящей в столице серии мистических убийств нам нужно решить, как реагировать на эти страшные события.

Гасанов в прошлом был знаменитым спортсменом, чемпионом мира по игре в лапту и одновременно яростным антимонархистом, настолько яростным, что даже королевских кроваток принципиально называл «президентскими». После коронации нынешнего императора Гасанов предрек – монархия падет через год, и надо хорошенько к этому подготовиться. Монархия, однако, все никак не падала, немного подождав, Гасанов создал организацию «Другая Империя», объявив, что она выдвинет своего кандидата в будущие императоры. На закрытых совещаниях «Другой Империи» было принято общаться шепотом, так как считалось, что их круглосуточно прослушивают вездесущие агенты жандармского корпуса.

– Ты думаешь, это заговор кремлевских волков, дорогой Генри? – шепнул сидевший рядом Эдвард Цитруссофф. – Но дело в том, что убитые не были республиканцами. За уши к этому делу их при всем желании не притянешь.

Революционеры в зале не слышали почти ничего из сказанного в президиуме: сидя в колеблющемся полумраке, они сохраняли многозначительный вид заговорщиков, свергающих Цезаря. Электрический свет в здании отсутствовал по двум причинам – с целью помешать жандармам делать видеосъемку, а заодно уж сэкономить деньги.

– Ты уверен? – возвел очи к потолку Гасанов. – А мне кажется, все это неспроста. Думаю я вчера о народе, включаю в машине радио «Корона Плюс» и чего ж там слышу? Всего за полчаса целых три песни подряд в ротации – *Please, Don't Go* каких-то прокремлевских негров, «Не уходи, постой – просто побудь со мной» Агутина, а также, разумеется, «Если он уйдет, это навсегда, так что просто не дай ему уйти». Вы в курсе, что это означает?

¹² Пожалуйста, не уходи (англ.).

– Не знаю, – нервно поправил пенсне Цитруссофф. – Засилье попсы? Загадочные вкусы большинства населения? Или заговор состарившихся продюсеров с целью вернуть сдохшую популярность Агутину?

– То, что император передумал отречься! – торжествующе прошептал Гасанов. – Кровавые жандармы сами организовали все убийства, желая отвлечь наш народ от его первоочередной задачи – революции. В тот момент, когда миллионы готовы выйти на улицы под лозунгом «Долой самодержавие!», проклятый царский режим организует информационный теракт, чтобы...

Первый ряд, краем уха услышав привычные обрывки фраз, заплодировал.

– Миллионы? – саркастически усмехнулся приглашенный на конференцию барон Георгий Грушевский. – Мы уже восемь лет тусуемся, грозные песни поем, а давеча митинг против монархии в Самаре только двести человек собрал. С такой поддержкой мы не то что царя – лягушку и ту не свергнем.

Шляхтич Грушевский тоже не был таким уж особенным антимонархистом, говорили, что он, обедневший польский дворянин, и сам не прочь сделаться императором. Согласно слухам, распускаемым сторонниками барона, Грушевский обладал эксклюзивным секретом в экономике, способным сделать любую страну процветающей за 500 дней, его подарил ему один старый буддийский лама в горном монастыре на склонах Эвереста. За этим секретом охотились очень многие – и жандармы, и полиция, и даже иностранные спецслужбы. Поэтому Грушевскому пришлось ночью без свидетелей уехать в глухой лес, положить секрет в шкатулку слоновой кости и закопать под древним дубом. Заказав сеанс у непальского гипнотизера, барон путем кармического гипноза заставил себя забыть, где именно схоронил секрет процветания экономики. Этот ход сыграл с Грушевским злую шутку – популярность его партии начала стремительно падать, а повышение цен на мед окончательно ее угробило. Грушевский не сдавался – периодически он делал загадочное лицо и прозрачно намекал, что прекрасно знает местонахождение слоновой шкатулки: стоит лишь посадить его на императорский трон, и он сразу же ее откапает. Но ему уже никто не верил.

– Все ваши проблемы из-за того, что вы ставите не на тех людей, – разглядывая ногти, продолжал Грушевский. – Надо ставить на умных... очень умных... желательно просто дико умных... эдаких чумовых элегантных красавцев... тогда все и решится с миллионами. А до этого будете выводить на улицу двести человек и умиляться тому, какие вы крутые и храбрые.

Гасанов сделал плавное движение в сторону Грушевского, нагибаясь над столом. Пятеро телохранителей Гасанова нервно вздрогнули, собравшись растаскивать оппонентов, но тут же расслабились. Без охраны спортсмен не появлялся нигде, ибо был уверен: за его голову царь назначил большие деньги. По этой же причине Гасанов не пил чая и кофе, пробуравив дома артезианскую скважину для утоления жажды, а также почти ничего не ел, боясь отравления. Он питался парниковыми овощами, которые выращивал у себя в комнате, и за последние полгода похудел на двадцать килограммов. Ходил он осторожно, маленькими шажками – в знак полной солидарности с оковами угнетенного пролетариата его ноги в районе лодыжек были скованы тонкими и изящными золотыми цепочками. Недавно Генри арестовали за переход улицы в непопозволенном месте, и он отсидел в полицейском участке целых двадцать восемь минут. Вернувшись домой, Гасанов шесть часов подряд давал подробное интервью CNN об ужасах сырых застенков царизма.

– Напрасно вы идете на поводу у информационных киллеров царского режима, дорогой камрад! – шепнул он прямо в невозмутимое лицо Грушевского. – This is the police state!¹³ Если бы мне дали всего двадцать минут на продажном телевидении, монархия уже на следующий день развалилась бы к свиньям!

¹³ Это полицейское государство! (англ.)

– И толку? Вам каждую неделю дают по два часа на радио, а она, проклятая, как стояла, так и стоит, – снова поправил пенсне Цитруссофф. – Может, не в телевидении вовсе дело, а в том, что мы восемь лет в темной комнате при свечах пасем, шепотом царизм проклинаям, а больше ни хрена не делаем?

Он замер, потрясенный внезапно открывшейся ему истиной. В первом ряду на лицах зрителей с флажками отразилось некоторое смятение.

– Это уже потрясающей силы храбрость, – дернул подбородком Гасанов. – Пастись и тем самым противостоят кровавым псам монархии. Мы отражаем чаяния народа, стонущего от страданий под стальной пятой царизма. Он задыхается от отсутствия свободы. Кто даст ему ее, если не мы?

Грушевский театрально закатил глаза к потолку.

– А нужна ль она ему вообще, эта ваша свобода? – шепнул он свистяще, чуть наклонившись. – У многих трудящихся в Москве и Петрограде основная проблема – как в пятницу после работы найти место в престижном суши-баре. Ваши ярмарочные мастеровые с крестьянами сидят там, хавают палочками лосося с васаби, обсуждают, как половчее взять кредит на плазменный ти-ви, и в гробу видали все наши свечные тусовки.

Если Гасанов и огорчился сказанному, то не подал виду.

– Неважно, – трагически снизил он шепот. – Главное осознавать: в данный момент мы раскрыли план заговора, устроенного жандармским корпусом по хитроумному замыслу царя. Будет совершено с десятков зверских убийств, а потом жандармы поймут маньяка – это поднимет рейтинг императора и даст ему возможность формально объяснить нежелание отречься. Такое событие могло бы окончательно законсервировать пролетариат в суши-барах и заключить его в крепостях IKEA, служащих, по сути, пыточными камерами для современных декабристов. Однако завтра я дам откровенное интервью CNN и открою всем свободным людям истинную причину смертей Колчак и Виски. Правда – это то, чего больше всего боятся трусливые лакеи царизма.

По взмаху его руки зал встал. Свечи уже почти догорели. Стены вновь сотрясло грозное хоровое пение, исполняемое с глубоким чувством:

Пусть деспот пирует в чертогах своих,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы огнем на стене
Чертит уж рука роковая.

«Если уж так подумать, в чем-то Генри прав, – философски рассуждал Грушевский, подтягивая куплет. – Мы жизни своей для народа не жалеем, свечей уже тонн под двадцать сожгли. А он только мычит да за партию „Царь-батюшка“ голосует. Ноги в кровь стерли золотыми цепочками. И хоть бы оценил кто. Говно у нас, а не народ. Счастья своего не понимают».

Глава двенадцатая

Боже, царя храни

(22 февраля, вторник, еще утро)

Торжественный гимн по радио заиграл тогда, когда Алиса уже уничтожила половину порции супа из акульих плавников, а вечно голодный Каледин, разделавшись с аналогичным кушаньем, аппетитно хрустел жареными кальмарами. Бокалы на столах тонко задрожали. Голос, похожий на дуэт Шаляпина с медведем, истово выводил, сотрясая ресторанный зал:

Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам;
Царствуй на страх врагам,
Царь православный!

Вытерев губы салфеткой, Каледин поднялся с места и застыл – в его глазах появился странный тупой блеск, он механически положил руку на эфес сабли, положенной ему по рангу. Повсюду загремели отодвигаемые стулья – это вставали бывшие и действующие офицеры. Дождавшись окончания гимна, Каледин спокойно сел обратно и принялся лопать кальмаров, не забывая макать их в острый рыбный соус.

– Эй, человек! – рыкнул он официанту. – А рис с ананасами чего не несешь?

Алиса, издав свистящий всхлюп, всосала в себя остатки супа.

– Где-то я этот звук уже слышал, – задумался Каледин. – Но помнится, при нескольких других обстоятельствах. И ела ты при этом вовсе не суп.

– Я потеряю аппетит от твоих пошлых воспоминаний, – Алиса придвинула к себе дымящееся блюдо с мясом в устричном соусе. – И так едва не померла со смеху, глядя, как ты с каменной рожей встаешь под гимн с давно устаревшими словами. Как будто я не знаю, что государь тебе не нравится.

На стол со стуком поставили тарелку жареного риса. Китайские рестораны в Москве считались самыми дешевыми, а порции – огромными. Заведения были похожи друг на друга как сами китайцы: ширмы с иероглифами и драконами, красные фонарики у входа, официанты в костюмах из искусственного шелка и шапочках с косичкой, как принято у династии Цин. Количество китайцев в империи неуклонно увеличивалось, что беспокоило и политиков, и население. Однако хитрые китайцы, наводняя имперские просторы, десятками открывали подпольные центры пластической хирургии, где им перedelывали разрез глаз. После этого городским приходилось тяжело, ибо по одним внешним признакам задержать нелегала было уже нельзя.

– Государь не девушка, чтобы мне нравиться, – сквозь зубы ответил Каледин, хрупя рис. – А вставать под гимн я по должности обязан, как-никак офицер его величества. В остальном же не вижу причин быть довольным. Что в нашей империи такого классного? С семнадцатого года, я считаю, ничего не изменилось. Основные богатства страны поделены между кучкой купцов первой гильдии, сидим исключительно на экспорте сырья, сами больше ничего не производим – сплошное пчеловодство да пасеки. Вот щас, например, медовый бум. И какая лично мне от него корысть, кроме того, что цены в Москве взлетели, а квартирка в панельном доме стоит столько же, сколько таврическая усадьба князя Потемкина? Возвращаемся к корням, так сказать... в Сенате решили установить традиции, как в Британии, – там в палате лордов депутаты оседлали мешки с овечьей шерстью (на ней основано благосостояние королевства), а наши будут сидеть на бочонках с башкирским медом. Приставы и околоточные как

раньше «крышевали» купцов, так и сейчас «крышуют», министры как при царе Николае брали взятки, так и теперь берут, а губернаторы на местах срослись с мафией. Мне кажется, монархия себя изжила. Вот прикинь, если бы генерал Корнилов большевиков не перевешал и они пришли бы к власти, а? Проект-то у Ленина был – настоящая сказка. Небось жили б как сыр в масле катались.

– Фигня, – кратко резюмировала калединскую речь Алиса, дожевывая мясо. – Знаешь, все политики мягко стелют, да жестко спят. Эвон во Франции якобинцы тоже пришли к власти под клевыми слоганами, а потом как пошли аристократам головы рубить и друг друга колбасить. Почему ты думаешь, Ленин поступил бы иначе? Революция пожирает своих детей.

...Официант принес десерт – жареные бананы в карамели.

– Моя дорогая баронесса, – ехидничал Каледин, раскусывая карамель на банане. – Франция живет куда богаче нас. Мы по уровню экономики пока как ее африканская колония, только с медом и ракетами. Может, и нужны какие-то политические потрясения? Представь себе, что Робеспьер¹⁴ дожил бы до восьмидесяти лет и со вставной челюстью передвигался в кресле-каталке. Имидж пламенного революционера это несколько бы подмочило.

– А всегда так, – принялась Алиса за десерт. – Может, из Сталина тоже получился бы знатный революционер, если бы большевики не накрылись медным тазом. В итоге, чтоб не умереть с голоду, ему пришлось вернуться к своему основному делу – вооруженному ограблению банков. В тридцатых годах у Виссарионыча была своя группировка – что твой Аль Капоне. Но дона Иосифа застрелили на стрелке, от «семьи» Сталина начали отпочковываться другие мафиози, взяв за основу закон сицилийской мафии – омерту¹⁵. Слыхал, как Ворошилов с «томмиганом» наперевес и с сигарой в зубах врывался в банки? «Всем лежать, суки, или я накормлю вас свинцом!» А Бухарин, с нуля построивший нелегальный водочный бизнес? А Буденный, «крышевавший» все лошадиные бега и ипподромы?

¹⁴ Один из лидеров французской буржуазной революции, в 1793 году возглавил Конвент (парламент). Отличился массовыми казнями. Через год был свергнут и казнен.

¹⁵ Omerta – «закон молчания» сицилийской мафии. Клятву приносил каждый мафиози, обещавший в случае ареста не «сдавать» своих соратников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.